

Прошедшая вечность

Автор:

[Ник Перумов](#)

Прошедшая вечность

Ник Перумов

Миры Упорядоченного Гибель богов - 2 #6

Вечность прошла. Что делать тебе теперь, Хедин Познавший Тьму?

Соратников всё меньше, врагов всё больше. Мироздание, которое ты стремился хранить и оберегать, всё неустойчивее. Дальние Силы, Спаситель, Молодые боги и боги Древние, возвысившиеся смертные маги – все они вышли против тебя в открытую, действуя по принципу «разделяй и властвуй». Явились на свет сущности, о которых эоны лет никто не слышал, возвращаются из небытия те, о ком, кажется, давно забыто, словно и впрямь близок конец времён.

Что остаётся тебе, Хедин? Только смертные. Их вера, их надежда, их горячая кровь.

Но всё на свете имеет свою цену – и чем придётся расплачиваться тебе, когда мир и вправду рухнет?

Ник Перумов

Гибель Богов-2. Книга шестая

Прошедшая вечность

Оформление серии И. Саукова

Серия основана в 2004 году

В оформлении переплета использована работа художника В. Бондаря

Серия «Ник Перумов»

© Перумов Н. Д., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Синописис,

или Что было раньше?

После окончания событий, описанных в романе «Война мага», Новым Богам Упорядоченного, Хедину и Ракоту казалось, что наступила долгожданная передышка. Два мира – Мельин и Эвиал – были спасены, слившись так, что на их месте возник новый мир. Спаситель, явившийся в Эвиал, был отброшен, хоть и не побеждён. Пленённая в Западной Тьме волшебница Сигрлинн, возлюбленная Хедина, вырвалась на свободу. Пал коварный Архимаг Игнациус, заманивший было Хедина и Ракота в ловушку, пал и гениальный, но безумный чародей Эвенгар Салладорский, мечтавший достичь божественности. Предавшая Хедина

эльфка-вампириша Эйвилль погибла тоже, оставив в руках Нового Бога ценнейший артефакт, залог Дальних, данный ей как доказательство серьёзности их намерений.

Боевой маг Долины Клара Хюммель сумела вытащить из Эвиала одного из хранителей кристаллов магии, дракона Сфайрата. Ей удалось отыскать тихую гавань, мир под названием Кимма, где они и зажили как муж и жена, успев родить четверых детей, ибо время там текло быстрее, чем, к примеру, в Обетованном или даже в Мельине.

Затишье, однако, оказалось недолгим. Планы Хаоса и Дальних Сил были сорваны, но полного поражения они не потерпели. Подмастерья Хедина вынуждены были вступить в бой во многих местах, удерживая равновесие.

Линия Клары Хюммель

Мирная жизнь Клары Хюммель оказалась нарушена, когда к ней в гости пожаловал странный местный маг, назвавшийся Гентом Гойлзом. Он намекнул, что догадывается о её истинном происхождении; и, хотя на первый взгляд визит его не нес никакой непосредственной угрозы, Клара забеспокоилась.

Её беспокойство оказалось не напрасным.

В этом же мире оказался эльф-вампир Ан-Авагар, из гнезда уже упомянутой Эйвилль; он служил Хедину, однако службу эту понимал весьма своеобразно, скорее как индульгенцию на кровавые злодеяния.

Пытаясь разобраться, что за зло творится в окрестностях родного посёлка, дети Клары и Сфайрата угодили в древнюю ловушку, расставленную неизвестно кем, но явно на «сильных магов». Непонятным для Клары образом этот капкан оказался связан с совсем иным, находящимся в Межреальности и установленным гномами-подмастерьями Хедина, рассчитывавшими «захватить живьём хоть одного Дальнего».

Одновременно уже упомянутый вампир Ан-Авагар, помимо всего прочего, вызвал нашествие подъятых из могил мертвяков на посёлок, где жила Клара с семьёй. Выбирая, броситься ли сразу на поиски детей или вернуться к дому и помочь

беззащитным перед мертвяками селянам, Клара поссорилась со Сфайратом, и он один пустился в погоню.

Кларе удалось отразить нападение мёртвых – причём помощь неожиданно для себя оказал и сам вампир, начавший проявлять к Кларе совсем не вампирский интерес; она смогла добраться до ловушки, где были заперты её дети. Однако волшебница не сумела бы пробиться к ним, если бы не помощь со стороны странного, но могущественного чародея, назвавшегося Кором Двейном.

Детей Кларе удалось отбить, но при этом она вступила в бой с гномами-подмастерьями Хедина, что из всех сил спешили к сработавшей ловушке, будучи убеждены, что «захватили Дальнего».

Кор Двейн уверяет её, что теперь она враждует с Новым Богом Хедином, который «подобного не прощает».

В то же самое время девочка Ирма, оказавшаяся в невольных ученицах у Клары Хюммель, попадает в замок к странным магам, «брату и сестре» Кора Двейна по имени Скъёльд и Соллей. Соллей берётся обучать Ирму магии – Клара до этого открыла в девочке немалый талант.

Освободив детей, Клара должна теперь разыскать мужа, дракона Сфайрата, и объясниться с ним.

Вернувшись с детьми в Поколь, Клара обнаружила селение почти полностью разорённым. Страж-кот Шоня, однако, уцелел и сумел сохранить в неприкосновенности дом Клары и Сфайрата. Людям из этих мест помогли перебраться в другие деревни маги Беллеоры, ближайшего большого города.

Клара с детьми и Шоней отправились на поиски Сфайрата.

В Межреальности, однако, их перехватил отряд подмастерьев Хедина под водительством гнома Керрета, того самого, что едва не пленил детей Клары в расставленной «на Дальнего» ловушке. Керрет потребовал от Клары «сдаться»; она отказалась, однако сумела втянуть гнома в переговоры. Никто не знает, чем бы закончилась их беседа, но по какой-то случайности вспыхнула схватка.

Зося, младшая дочь Клары, была тяжело, почти смертельно ранена.

Кларе удалось удержать её на самом краю смерти, однако долго так продолжаться не могло. К счастью, Чаргос, старший сын Клары, смог вовремя привести помощь.

На подмогу подоспел чародей Скъёлд, названный брат волшебника Кора Двейна и чародейки Соллей. Ему удалось спасти Зою; Клара с детьми оказались в замке Кора Двейна. Хозяин не один раз пытался убедить Клару «встать с ним плечом к плечу» и сражаться «за свободу всего Упорядоченного, ибо боги не имеют права повелевать смертными», но Клара всякий раз отказывалась.

Тем не менее, ощущая себя в долгу перед спасшими её ребёнка чародеями, Клара добровольно решила выполнить их задание. Детей она спрятала на нашей Земле, в закрытом от магии пространстве, где их никак не смогли бы разыскать.

Сама же Клара отправилась в некий мир, где – по слову Кора Двейна – ей предстояло задержать слуг Хедина и добиться, чтобы порталы в этом мире оставались бы открытыми как можно дольше – через них перебрасывались подкрепления на войну.

Кларе удавалось достаточно долго сдерживать подмастерьев Познавшего Тьму, однако в конце концов ей пришлось оставить защиту портала. Она ощущала в глубине этого совершенно обычного и ничем не примечательного мира странные сгустки силы, порождавшие странное эхо.

Клара попыталась понять, что же это такое; и даже успела выяснить, что таинственные сгустки образуют нечто вроде линии чудовищного разлома, грозившего не только обратить во прах сам мир, но и рассечь саму Межреальность вокруг него.

Однако в этот миг то ли сработали охранные чары этих диковинных артефактов, то ли вернулись странно искажёнными заклятия самой Клары – и она получила тяжкие магические повреждения. Бесчувственную, её взяли в плен подмастерья Хедина и попытались доставить в Обетованное.

Лекари-эльфы прилагали все усилия, чтобы спасти Клару, однако она умирала.

Именно такой, умирающей, её и нашёл не кто иной, как вампир Ан-Авагар.

Недолго думая, он выкрал её, чувствуя неизбежность её гибели и поклявшись спасти – любой ценой.

Линия гарпии Гелерры

Полк гарпии Гелерры сражался в Хьёрварде, где неведомые противники бросили в бой мало что понимающих, но жадных до драки быкоглавцев, к которым присоединились низкорослые карлики-чародеи из дикого, неизвестного никому мира, где их вербовал какой-то странный, но явно очень могущественный маг.

Разбивая воздвигнутый чужими волшебниками щит, Гелерра угодила под непонятное воздействие, лишившее её чувств и перебросившее неведомым образом далеко в Межреальность.

Там она столкнулась с чародеем Скъёльдом, заявившим, что он якобы «спас» её, удержав от падения «в бездну, где кроются корни Мирового Древа». Скъёльд задал гарпии только один вопрос: что выбирает она – свободу или служение? Гелерра гордо ответила, что долг её – служение великому богу Хедину. Чародей, как и обещал, дал ей свободу, однако Гелерра оказалась не в каком-то из миров и даже не в Межреальности, а в странном призрачном месте, похожем на крону исполинского древа, где её, беспомощную, несло сильнейшим магическим потоком, мало-помалу превращая в демона.

В конце концов, охваченную отчаянием, разуверившуюся Гелерру вынесло в некий мир, но уже не крылатой гарпией-адатой, а жутким чудовищем.

Там она столкнулась с неведомым врагом, охотником на демонов, и едва не погибла от его чар. Спасла её чародейка Соллей, оказавшаяся в нужном месте и в нужное время. Спасла и взяла с собой. В замке Соллей и Скъёльд принялись за «излечение» гарпии, как они называли это, утверждая, что они «в долгу» перед Гелеррой и помогают ей просто так.

Попутно Соллей осторожно, не заходя слишком далеко, расспрашивала Гелерру о Хедине и её службе, утверждая, что они с братьями – исключительно «за свободу» и не потребуют с адаты никакой службы взамен. Более того, Соллей уверяла, что, борясь с их врагами-Дальними, она тем самым «споспешествует великому Хедину». Особенно волшебницу интересовал зелёный кристалл, залог Эйвилль, полученный вампиршей от Дальних и найденный потом Гелеррой в Межреальности.

Гелерра никому ничего не обещала, однако её всё чаще посещали мысли, совсем не свойственные верному ученику Познавшего Тьму.

Соллей и Кор Двейн добились успеха – они полностью излечили адату, вернув ей прежний облик и навсегда изгнав овладевшего ею демона. На крыльях Гелерры вновь отрасли прекрасные белые маховые перья, коими она так гордилась и утрату которых оплакивала столь горестно.

Она ощущала себя покинутой и преданной богом Хедином. Несмотря на все её чувства к нему, он не пришёл к ней на помощь, оставил в беде. Гарпия же считала, что Познавший Тьму непременно должен был «чувствовать», что с ней стряслось.

Нельзя не добавить, что к выводам этим ей помогли прийти маги Кор Двейн и его названная сестра Соллей.

После того как адата вновь обрела способность летать, она – как и Клара – решила «вернуть долг» спасшим её чародеям. Кору Двейну требовался зелёный кристалл, залог Дальних, ставший добычей Гелерры, а она уже потом отдала его Хедину.

Не чувствуя себя более связанной с Познавшим Тьму и успокаивая себя тем, что Кор Двейн тоже якобы воюет с Дальними, кои враги и Хедину, Гелерра отправилась к Обетованному.

По пути, уже на ближних подступах, ей встретилось воинство Тьмы, ведомое Ракотом Восставшим, что вновь принял титул Владыки Мрака. Гарпия решила, что Ракот обратился против Хедина; по её мнению, лучшего момента, чтобы добыть кристалл, уже бы не представилось.

Защищавшие Упорядоченное от натиска быкоглавцев ученики Хедина ничего не заподозрили. Для них это была счастливо вырвавшаяся из плена адата Гелерра, вернейшая из верных. Они пропустили гарпию.

В доме Хедина Гелерре посчастливилось добыть заветный кристалл и невредимой выбраться обратно.

Линия Матфея Исидорти

Матфей Исидорти, обычный смертный человек, молодой клирик монастыря Сил Святых в самом обычном мире Упорядоченного, был одержим тягой к постижению тайного и магического. Больше всего его привлекали истории о загадочных демонах и способах повелевать ими – и наконец в руки Матфею попали старинные запретные книги, как раз посвящённые этому.

Молодой клирик оставил монастырь и, после долгого пути, достиг мест, где, согласно анонимному автору, появлялись демоны; там адепт, не обделённый смелостью, мог надеяться познать их и даже подчинить себе.

Матфею сопутствовала удача. Он отразил атаки демонов, хотя схватка с третьим из них забросила его в неведомое подземелье, откуда не было выхода. Призрак, назвавшийся убитым им демоном, предсказал, что, дескать, несмотря на победу Матфея, он тоже обречён, поскольку должен умереть в подземелье от голода и жажды; сам же демон, мол, вынужден убивать потому, что таковым сотворили его Новые Боги.

Тем не менее Матфею удалось вырваться из ловушки – удивительное смещение пространства забросило его в совсем другие места родного мира, где его ждало столкновение с Гелеррой, почти утратившей сознание и терзаемой ужасным голодом, который, как ей казалось, может утолить лишь человеческая плоть. В схватке они оба были близки к смерти: Гелерра – от вызванного рунами Матфея пламени, Матфей – от клыков и когтей «демона»; в этот момент, однако, появились двое спасителей, мужчина и девушка. Девушка-чародейка спасла Гелерру, мужчина – Матфея. Ни гарпия, ни клирик не видели в деталях своих спасителей.

Они были просто спасены.

Как и Гелерра, Матфей нашёл приют в замке Кора Двейна. Сам хозяин стал наставником молодого клирика в магических науках. Помимо этого, Двейн доверил своему новому подопечному опекать очень важную пленницу, заточённую в защищённой могущественными чарами темнице, – Царицу Теней. Кор Двейн рассказал Матфею, кто она такая и что в заключении находится также и за то, что ради забавы с сородичами – так называемыми Новыми Магами – наводила орды чудовищ на ни в чём не повинных поселян Северного Хьёрварда.

Красота Царицы поразила бедолагу Матфея в самое сердце. Он не понимал, зачем Кор Двейн взвалил на него ещё и эти обязанности, но...

Приказ есть приказ.

И Матфей старался его выполнить настолько хорошо, насколько мог. Очень скоро, однако, он оказался совершенно очарован соблазнительной Царицей, и потребовалось совсем немного времени, чтобы они сделались любовниками.

Тем не менее окончательно голову Матфей не потерял, сообразив, что здесь, в темнице, Царица Ночи в полной его власти и достаточно туманных намёков на возможную помощь в будущем, чтобы добиваться от неё близости.

Однако же он всё равно взялся за расшифровку охранных чар Кора Двейна. Он не сомневался, что получит немалую награду, если сумеет освободить Царицу Ночи и доставить её к родне. Правда, оставалось решить, как ему обезопасить себя, если та же Царица решит отомстить за вынужденные ласки.

Матфей тянул время.

И пока оно тянулось, он стал свидетелем визита в замок Кора Двейна неких очень важных гостей, кои, как выразился сам чародей, «помогали в осуществлении их большого плана».

В замок прибыли четверо мужчин, скрывавших лица под капюшонами; четверо, наделённых огромными силами.

Самому себе неведомым способом Матфею удалось услышать ведшийся посредством мыслеречи разговор меж гостями и хозяевами, в котором гости именовали Кора Двейна, Скъёльда и Соллей своими «слугами», а Кор Двейн, словно не замечая, убеждал их в необходимости получения некоего «обещанного», без которого план быть исполнен не мог.

Гости должны были получить некую «долю» непонятно чего, причём «без Хедина и Ракота». Матфей также узнал, что именно Кор Двейн и его родня ответственны за появление в Упорядоченном Четвёртого Источника Магии (в дополнение к Урду, Кипящему Котлу и Источнику Мимира) и за небывалый переток силы к Древним Богам, давно влачившим весьма скромное существование.

Неведомые «гости» пообещали, хоть и нехотя, доставить «обещанное».

После этого столь же таинственный «план» будет выполнен.

Линия Древнего Бога О?дина и валькирии Райны, его дочери

После окончания эвильских событий, когда Старый Хрофт и Райна встретились, бог О?дин начал свою собственную игру. Вместе с Райной он откапывает давно забытые железные обломки, помнящие ещё дни славы Асгарда, и альвийская оружейница Айвли выковывает для Хрофта и Райны новые мечи. О?дин убеждён, что, хотя асы пали на Боргильдовом поле, тени их пребывают во владениях великого Демогоргона, и он сможет так или иначе, но выручить их. Заручившись помощью Яргохора, Водителя Мёртвых, и разыскав волка Фенрира, сына Локи, О?дин с Райной отправляются в опасный путь.

Пробиться в домен Соборного Духа оказалось очень нелегко, однако на помощь Старому Хрофту неожиданно явились Дальние и уже знакомый нам маг Скъёльд, уверяющий, что он, мол, «с роднёй» горячо сочувствует делу Древнего Бога и готов помочь всем, чем только возможно.

Он действительно помог. Несмотря на противодействие – демонов, чудовищ, бестелесных призраков, – Старому Хрофту удалось пробить для валькирии Райны дорогу в пределы Демогоргона. Ей удалось разыскать асов и вывести их тени из царства смерти, однако это были лишь тени, безвольные и словно бы спящие. Самому же О?дину, Фенриру и Яргохору пришлось выдержать бой с

подмастерьями Хедина.

Вернувшись на равнины Иды вместе с тенями асов, Старый Хрофт сумел провести ритуал, возрождающий их в прежней истинной плоти.

Хедину пришлось срочно отправиться к Асгарду, теперь уже отстроенному по-настоящему из дерева, камня, стали и золота; Познавший Тьму стал свидетелем последних стадий обряда, закончившегося появлением из альвийского меча, вручённого О?дину оружейницей Айвли, нового ясеня Иггдрасиля, во всём подобного тому, что высился когда-то над изначальным Асгардом, Асгардом Древних Богов, что правили Хьёрвардом.

У подножия ясеня забил новый Источник Магии, родившийся из тёмной пуповины, что вела от покинутого Мимиром Источника Мудрости к неведомой маго-механической системе в глубинах Упорядоченного. Кто устроил всё это, оставалось загадкой.

Видя нарастающий катаклизм, Хедин решил отступить от возрождённого Асгарда. Сигрлинн, не согласная с ним и требовавшая решительной войны со Старым Хрофтом до полного его низвержения, покинула Познавшего Тьму.

Встретив во владениях Демогоргона душу своей матери, Райна вместе с Ракотом двинулась в обратный путь по Упорядоченному. Валькирия была преисполнена решимости вернуть матери тело – так же, как О?дин должен был вернуть плоть всем спасённым ею асам. Однако по дороге домой валькирия вдруг ощутила странные эманации, «как до Боргильдовой Битвы», словно бы Древние Боги начали обретать силы вновь.

Спустившись в незнакомый мир, Ракот и Райна оказались лицом к лицу с загадочным Древним, обретающим силы, помимо прочего, и в массовых жертвоприношениях. Вступив с ним в схватку, Ракот, к собственному изумлению, обнаружил, что Древний куда могущественнее, чем кажется, а силы самого Ракота словно бы претерпели ущерб. После кровавой битвы им удалось пресечь зло Древнего, и Ракот поспешил к Обетованному уведомить Хедина; Райна же отправилась в Асгард.

В Асгарде бог О?дин принимал гостя. Явившийся посланник Дальних склонял О?дина к открытой войне против Хедина и Ракота во главе рати Древних Богов.

«Приведи мне эту рать, и я возглавлю её» – были последние слова Старого Хрофта.

Но прежде чем обещанная рать достигла Асгарда, к его стенам подоспели отряды Сигрлинн – Ночные Всадницы и рыцари Ордена Прекрасной Дамы.

На защиту Асгарда встала даже такая неожиданная союзница, как Мать Ведьм Гульвейг, но и ей не удалось остановить чародейку Сигрлинн.

Разбив врата крепости асов, Сигрлинн, приняв облик огненного вихря, ворвалась внутрь и под ветвями возрождённого Иггдрасиля сошлась лицом к лицу со Старым Хрофтом.

Сигрлинн обвинила его в измене и ударе в спину Познавшего Тьму; Старый Хрофт возразил, что никого не предавал, а лишь спасал своих сородичей, сделав то, что должен был сделать давным-давно.

Сигрлинн не приняла его объяснений.

Их рукопашная схватка была в самом разгаре, когда с неба низринулись зелёные кристаллы Дальних, открывая порталы, откуда хлынул поток Древних Богов, собранных, наверное, со всего Упорядоченного.

Дальние сдержали слово, приведя О?дину обещанное тому воинство. И, кроме того, попытались пленить саму Сигрлинн. Им бы это удалось, если бы не Райна. Валькирия втащила теряющую силы чародейку в раскрывшийся портал – сама не очень понимая, почему она так поступает.

Линия Сильвии Нагваль

Последняя из Красного Арка, дочь Хозяина Смертного Ливня Сильвия Нагваль после битвы на Утонувшем Крабе смогла выбраться из слившихся миров Эвиала и Мельина. Свободная от всех долгов и обязательств, она решила вернуться в Долину Магов – это место казалось ей наиболее соответствующим её способностям.

Без приключений добравшись до Долины, Сильвия быстро оказалась в числе воспитанниц местной Академии, скрыв свои истинные магические способности. Во время одной из своих вылазок далеко за пределы Долины она заметила отряд во главе со старой знакомой, валькирией Райной, что вёл куда-то целый сонм душ умерших.

Любопытство Сильвии оказалось сильнее всех прочих соображений.

Она последовала за Райной и её спутниками.

Погоня привела её на дорогу мёртвых богов, дорогу, которой следовали к домену великого Демогоргона Древние Боги, павшие от руки Ямерта и его родни, когда те, прозываемые Молодыми Богами (а сами они звали себя «любимыми детьми Творца»), огнём и мечом утверждали свою власть над Упорядоченным.

Здесь были очень сильны эманации Хаоса.

И Хаос сумел овладеть Сильвией.

По дороге ей встретился и очень, очень необычный спутник, назвавшийся «слугой Спасителя». Он и впрямь походил на Спасителя, но только лишь внешне. Он предрёк, что они с Сильвией ещё встретятся, ибо «их миры в опасности», и то, что они якобы задумали, лучше всего делать вместе.

Сильвия не поняла туманных речей. Она прогнала незваного гостя, и тот удалился без гнева, попрощавшись и оставив её одну.

В Долине Магов Сильвию ждал неласковый приём. Ирэн Мескотт почувствовала Хаос в крови Сильвии и попыталась её «очистить». Сильвии удалось вырваться и бежать в окрестные леса; после этого, устроив восстание гоблинов-слуг и ошеломив чародеев Долины мощью дарованной Хаосом магии, Сильвия была вполне демократически избрана главой Совета Долины – и потребовала создания ни много ни мало Империи...

Получив вожделенную власть, Сильвия немедля начала действовать. Захватить ближайший мирок под названием Джерто, уничтожить глупо-жестоких королей, установить порядок, справедливые подати, извести разбой, а взамен получать из этого мира много потребного Долине, и прежде всего золото.

Маги Долины, утверждала Сильвия, должны править и получать, а не «зарабатывать» или «наёмничать».

Однако на пути новоявленной правительницы Долины встал старый целитель Динтра. Он же – последний истинный Ученик Хедина, тан Хаген, владыка Хединсея.

Сильвия очертя голову ринулась в схватку – и потерпела полное поражение. Даже Хаос оказался бессилён против Хагена. Ученик Хедина мог бы убить Сильвию, но... оставил ей жизнь с условием, что она станет бить «не кого попало, а кого надо». Захватить Джерто Хедин разрешил, однако следующей целью назвал мир Читающих.

Устроив, насколько это было возможно, подготовку к походу на Джерто, Сильвия решила проникнуть в пустой дом Архимага Игнациуса.

С помощью Хаоса в крови ей относительно легко удалось преодолеть охранные чары и оказаться внутри. Там, в кабинете Архимага, её добычей стал манускрипт под интригующим названием «Теоретические основы и практическая реализация совокупности заклинаний для пленения божественных существ любой силы».

Сильвия быстро поняла, какое богатство попало к ней в руки.

Разумеется, Динтре она об этом рассказывать не стала. На следующий день её ждало выступление в её первый поход.

Линия Ирмы Нарви

Ирма Нарви, девочка-сирота из того же мира, где нашла временный приют себе и своей семье Клара Хюммель, служила простой подавальщицей в трактире Свамме-гнома, в селении Поколь, по соседству с домом самой чародейки. Случайно обнаружив у Ирмы немалые способности к волшебству, Клара начала

учить девочку.

Однако уроки эти обернулись не в добро, а во зло. Ирма угодила в ловушку, расставленную гномами-подмастерьями Хедина вместе с детьми Клары Хюммель, откуда её спасла волшебница Соллей, названная сестра чародея Кора Двейна. Спасла и помогла вернуться домой; однако там, мстя за все пережитые ранее унижения, Ирма наполовину сожгла родное селение.

Волшебница Соллей помогла ей скрыться, забрав с собой в замок, где обитала сама с названными братьями. Ирма сделалась теперь уже её ученицей.

Соллей открыла Ирме, что она не просто безродная сиротка, что её отцом был некий чародей по имени Гренн Нарви и девочка унаследовала его силу.

После недолгого обучения Ирме, однако, пришлось вместе с наставницей Соллей выступить против подмастерьев бога Хедина. Чародейка, сперва называвшая Ирму «сестрёнкой» и утверждавшая, что в их замке «нет господ и госпож», перестала возражать, когда Ирма вернулась к привычной для неё почтительности.

В далёком мире Ирме предстояло «защищать порталы», через которые якобы перебрасывались подкрепления, необходимые для войны, что вели Соллей, Кор Двейн и Скьёльд против Познавшего Тьму; но не только. Соллей оставила в глубине земной тверди какие-то странные «закладки», могущественные чары, которые тоже надлежало охранять, «пока не наступит время». Соллей оставила магические капканы, куда Ирме надлежало завести подмастерьев Хедина; однако сама девочка решила, что непременно выяснит, что это за «закладки». Ирма заподозрила, что наставница попросту бросила её здесь, и решила во что бы то ни стало дознаться, что это за таинственные чары, – чтобы было чем торговаться за собственную шкуру, если дело обернётся совсем плохо.

Линия Ракота Восставшего, Владыки Мрака

Ракот вновь подчинил себе источник Кипящий Котёл и Тьму как изначальную субстанцию, возрождая свои Тёмные Легионы. Создав новую армию, он повёл её на помощь осаждённому Обетованному, которое штурмовали армии быкоглавцев

и иных племён, пошедших на службу Кору Двейну, Соллей и Скъельду. По пути к цели Ракот встретил Гелерру, однако ничего не заподозрил.

Его Тёмные Легионы ударили в спину войскам, осаждавшим их с Хедином дом.

Линия Хедина, Познавшего Тьму

Сознавая, что появление нового, Четвёртого Источника Магии необратимо нарушает баланс сил Упорядоченного, Хедин, Познавший Тьму, пошёл на немыслимое.

Сбросив телесную оболочку, он разделился как бы на три незримых ипостаси. Его истинная суть, средоточие того, что составляло его личность, отправилась напрямик к логову Неназываемого.

Хедин видел, что потоки новосотворённой пустоты ломают иные несчастливые миры, срывая с них так называемые царства мёртвых, где собирались души умерших. Потоки этих душ устремлялись к Неназываемому и поглощались им.

Хедин проник и за последний барьер, откуда уже не было возврата, в самое логово Неназываемого. Он увидел, что поглощённые Неназываемым души обретают вторую жизнь в виде его жутких слуг, козлоногих.

Познавший Тьму постарался задержать падение поглощённых душ, собирая их вокруг себя.

Однако он знал, что должен вернуться. И там, в бездне Неназываемого, Познавший Тьму нашёл выход.

Он словно бы скопировал собственную личность. Один Хедин навсегда оставался за чертой, за порогом Неназываемого. Другого неведомые силы перенесли обратно.

Для того чтобы остановить развал всего Упорядоченного, Хедину пришлось пойти на крайнюю меру – обратиться к вере смертных, мощному, но обоюдоострому оружию. Познавший Тьму спас низвергающийся в бездну Неназываемого мир, и с этого началось его возвращение...

Пролог

Ракот Восставший, Владыка Мрака

Армия Мрака растянулась, широким охватом надвигаясь на сверкающую голубым и зелёным глобулу Обетованного. Капля в океане Межреальности, драгоценность, созданная Молодыми Богами, когда они и в самом деле были молоды, когда торжествовали победу и, наверное, действительно могли творить.

Над ласково журчащими ручейками Обетованного, над его вечнозелёными лугами с неувядающим разноцветьем, над шумливыми лесами и элегантными, взметнувшимися подобно острым клинкам скалами сейчас поднимался чёрный дым.

Сквозь жирные, медленно ползущие клубы то тут то там прорывалось яростное пламя, буйное, ярко-оранжевое, ненасытное; плоть Межреальности вздрагивала, словно в ужасе, вспоминая, наверное, то самое Восстание Ракота, иногда ещё именуемое «Вторым» – когда его армии точно так же подошли к Обетованному, осадив саму цитадель Молодых Богов.

Названный брат Хедина стоял, скрестив на груди руки, – стоял на спине своего крылатого черночешуйчатого зверя, а под ним проносились его полки, вновь, как и эоны назад, готовые к решительному натиску.

Он сотворил их, вызвал из Тьмы, дал воплотиться. Их было далеко не так много, как в дни расцвета его могущества: это обрели облик самые доступные, «свободные» эманации Мрака, подчиняясь новому-старому хозяину Кипящего Котла.

Ожившая память о некогда грозных чудовищах, влачившихся по мрачным мирам; призраки тёмных колдунов, слишком дерзко черпавших силы из запретных источников; из глубоких пропастей, от самых корней миров,

позабывших о самом их существовании, явились додревние монстры, «дождавшиеся хозяина», – всё это Владыка Тьмы поставил себе на службу, воззвал к ним, собрал и направил.

Их было далеко не так много, как хотелось бы Восставшему. Предстояло ещё очень много работы.

На самой границе цитадели Новых Богов, прямо напротив полков Ракота, развернулось сейчас противостоящее ему воинство – быкоглавцы и низенькие коротышки-маги в коричневых плащах; странные, немного похожие на эльфов воины, высокие и стройные, в лёгкой броне; рыцари, по виду похожие на людей, в тяжёлых кованых доспехах, под зелёными знамёнами с непонятными серебристыми письменами на них; низкие и коренастые воители, похожие на гномов, но, конечно же, совершенно не гномы; и ещё кучки самых разных и людей, и нелюдей.

Они так и не смогли взять штурмом Обетованное, где упрямо отбивались подмастерья Хедина; однако и не побежали, несмотря на ударившие им в спину полки Владыки Мрака.

«Кто ими командует? – задавался вопросом Ракот, проносясь над шеренгами своих. – Почему не прекращает явно провалившееся наступление?» Даже на первый взгляд было ясно, что его Тёмные Легионы, даже обладая лишь частью былой мощи, значительно превосходят противника числом. Полуграмотный десятник деревенской стражи и тот понял бы, что дело проиграно, надо отойти, собрать силы, измыслить что-то другое; но быкоглавцы и их союзники стояли угрюмо, неколебимо, готовые, что называется, «умереть, но не отступить».

Это могло вызывать лишь уважение. Чем же их увлекли на эту битву, чем воспламенили, что посулили?..

Но на эти вопросы он, Ракот, ответит позже. А пока – вперёд!

* * *

Полумесяц Легионов дрогнул, качнулся, потёк вперёд. Воины, почти неотличимые от людей, и воины, совершенно с ними несхожие, облечённые

плотью и бестелесные, чудовища, ползающие, бегающие, летающие, – всё это сдвинулось, шагнуло, зашелестело бесчисленными крыльями.

Первая змеящаяся молния, иссиня-чёрная, словно лента мягчайшего шёлка, вспорола воздух, сорвавшись с увенчанного черепами посоха в костяной руке существа, когда-то давно, наверное, бывшего тёмным чародеем.

Прянула прямо в сомкнутые ряды быкоглавцев – однако, не успев коснуться никого из них, распалась облаком серого, словно зола, снега, столкнувшись с незримым щитом; воздух перед строем обороняющихся замерцал, заискрился – там в свою очередь сгущались чары.

Ракот хищно усмехнулся. Наконец-то настоящее дело! Настоящая битва, когда он не скован ничем и никем, когда никаких запретов, сила против силы, и горе тем, кто встал у него на пути!

Его клинок взмыл, отдавая приказ, и своего повелителя увидело сейчас всё тёмное воинство.

И перед, и над полками быкоглавцев змеились чёрные разряды, шипя, неслись сгустки мрака, волоча за собой дымные хвосты; плоть Межреальности задрожала и содрогнулась, вынырнули исполинские щупальца, словно здесь поднялись к поверхности громадные кракены, хозяева морских пучин.

Кое-где над полем боя поползли языки густого серого тумана, раздались замогильные стоны: существа, обитавшие на заброшенных погостах и глодавшие полуистлевшие кости, подбирались к вражеским рядам.

Застучали копыта костяных скакунов, бестелесная кавалерия устремилась вперёд, наставив копыта, над островерхими воронёными шлемами взмыла стая чернооперённых стрел.

Кто может устоять перед натиском Владыки Мрака, когда его самые страшные противники давным-давно пали, а противостоят ему сейчас лишь какие-то смертные колдуны?

Однако быкоглавцы не дрогнули и не побежали; что держало их в строю, страхи ли, что-то иное? Не заколебались и коротышки-чародеи, в поте лица отбивавшие нацеленные в них чары. Не осталась стоять на месте тяжёлая рыцарская конница, зелёные знамёна затрепетали, разворачиваясь над двинувшимися шеренгами, закованными в изукрашенную рунами сталь.

Летучий зверь Ракота заложил крутую петлю, понёсся над самыми головами Тёмного Воинства. Чёрный меч описал дугу, повинувшись воле хозяина, мгновенно удлинился, вытянулся, острие коснулось «земли», то есть плоти Межреальности, там, где она уже начинала меняться, становясь Обетованным.

Высоко-высоко над головами воинства взмыли фонтаны тёмного огня. Волны его покатались во все стороны, окатывая солдат Ракота и соскальзывая с доспехов тяжёлыми маслянистыми каплями; быкоглавцы встретили губительный вал с мрачным упрямством; малышки-маги попытались что-то сделать, Ракот ощущал судорожные содрогания чужой волшбы, которую его пламенный вал опрокидывал и разлёвывал играючи.

Закричали те, до кого уже дотянулись языки чёрного огня – слизывая плоть с костей, а миг спустя, с малой задержкой – сжигая в невесомый прах и сами кости. Жуткую секунду оголившиеся скелеты стояли, замерев, сжимая бесполезное оружие, прежде чем развеяться, разлететься легчайшим пеплом.

В брешь вривалась тёмная пехота, сдвинув щиты, сколоченные из множества костей каждый; били иззубренными наконечниками чёрного обсидиана копейщико, тянули щупальца дошагавшие четвероногие чудища, чьи спины, покрытые кольчатými попонами, вздымались, словно холмы, над морем сражающихся.

Падали коротышки-маги – коричневые плащи плохо защищали от вражьей стали, или кости, или камня, или – тем более – самих Мрака и Тьмы, принявших форму оружия. Распадались сети защитных заклятий, меч и пика, стрела и секира находили дорожку, быкоглавцы погибали десятками и сотнями.

Ракот нёсся, острие его меча рассекало сгустившуюся «землю» Межреальности, оставляя за собой кровавую рану, источавшую тёмный огонь. Он видел, как рухнул строй его противников, как тёмные клинья Мрака режут подавляющую назад массу врагов; губы растянула хищная усмешка: так было в те славные

времена, когда он был тем, кем и должен быть, – Ракотом Восставшим, Истинным Магом, не боящимся ничего, никакой участи, никакого исхода, а не тем осторожным, постоянно бьющим себя по рукам Законом Равновесия Новым Богом!..

Полноте, да какой смысл в этакое божественности, когда ты ничего не можешь?!

Он стремительно приближался к тому месту, где рыцари под зелёными знамёнами устремились наперерез его собственным всадникам.

С обеих сторон летели стрелы, над роскошными плюмажами рыцарей взвились огнешары, обманчиво-яркие и праздничные, словно ярмарочные фейерверки. Ракот ощущал, словно боль в собственном плече, словно булавочные уколы, – многочисленные талисманы, амулеты и обереги, разного рода магическую защиту, помогавшую рыцарям сейчас удержаться под самым настоящим ливнем тёмных заклятий; вот под копытами боевых коней всклубился плотный серый туман, замелькали в нём извивающиеся, мокро-блестящие тела, твари с погостов попытались вцепиться острейшими зубами в конские бабки – но лишь опрокидывались с короткими предсмертными взвизгами; а кавалерия промчалась давя упавших и втоптывая во прах тяжёлыми копытами.

В следующий миг две лавины столкнулись, копыта врезались в щиты, взмыли и рухнули мечи с секирами, ударили булавы и шестопёры. Засверкало и заискрилось на рыцарской броне, магия сражалась, до последнего защищая своих хозяев. Костяные скакуны воинов Ракота вставали на дыбы, норовя ударить шипастыми боевыми подковами, какие никогда не наденешь обычному коню; длинные пики ломались о подставленные рыцарские щиты, чёрная сталь разлеталась брызгами, ломались и дробились кости, тёмные шлемы и кирасы не выдерживали, и рыцарские булавы вдребезги разносили черепа своих врагов.

Клин вражьей конницы смял, разбросал и разметал чёрных всадников Ракота, подобно стенобитному тарану проломил их шеренги, оказавшись сразу же перед второй линией, где сгрудились всяческие страшилища, о двух, четырёх, шести и более ногах с лапами.

Великаны с бивнями и пучками щупалец вокруг зубастых пастей, с горящими красным буркалами двинулись было на выручку, однако самую малость опоздали. Скакавший во главе клина рыцарь, уже раненый, падающий на шею

коня, вдруг сорвал шлем одним движением, выкрикнул что-то вроде: «Свет победит!» – и голова его тотчас разлетелась в кровавую кашу; Ракот ощутил мгновенный болезненный спазм, раненый привёл в действие какой-то простой, но мощный талисман, в один миг отнявший у него жизнь. Обезглавленное тело, однако, удержалось в седле, из развороченной шеи фонтанами била кровь, тотчас вспыхивая на воздухе; огонь, яркий и живой, мгновенно охватил и мёртвого рыцаря, и его отчаянно заржавшего коня.

Так, живой кометой, они и врезались в ряды тёмного воинства.

Ракот не успел – огненная полусфера росла и ширилась, обволакивая его воинов, что сгорали молча, без криков и стонов: Тьма не умеет кричать.

Магическое пламя в равной степени сжигало и телесное, и бесплотное – призраки распались золой точно так же, как обращались в пепел подъятые Тьмой костяки. Взлетали в воздух, кувыркаясь и разваливаясь на части, обугленные туши монстров; в рядах Ракотова воинства зияла широкая брешь, в которую и устремились рыцари.

За ними валом валили пещцы – низкие и коренастые крепыши, чем-то напоминавшие гномов, только безбородые.

Их-то что сюда привело?!

Первая линия Тёмного воинства раздалась в стороны, клин рыцарей промчался насквозь, вырываясь на открытое пространство.

И прямо перед ними, на дымящейся тверди Межреальности, встал, выпрямляясь во весь рост, сам Ракот Восставший.

Конечно, на это пришлось пойти слишком рано. В былые времена он и пальцем бы не пошевелил – Владыка Мрака обязан появиться в самом конце, в решающий момент, великолепный и грозный, в плаще из клубящихся грозových туч, опоясанный багровыми молниями...

Но и сейчас названный брат Хедина выглядел более чем внушительно. Он сделался выше ростом, багровые одеяния затрепетали, чёрный меч, сейчас

длиннее самого длинного рыцарского копья, с шипением рассёк воздух, описывая широкий круг над головой Восставшего.

Кто эти всадники, кто привёл их сюда, кто убедил, что они должны умереть именно здесь? – вопрос для брата, Познавшего Тьму, не для Ракота. Он должен войти в Обетованное, и он войдёт!

Первые ряды рыцарей не остановили бег своих коней, напротив – завидев Ракота, дружно их пришпорили. Кто-то из всадников даже начал что-то вроде гимна, но успел пропеть всего несколько слов – зловеще шелестящее лезвие настигло певца, прошло, разрубив его надвое, и, даже не почувствовав сопротивления, устремилось дальше, довершая страшный круг, оставляя перед Ракотом жуткое месиво рассечённых человеческих и конских тел.

Людская кровь обильно хлынула из ран и немедленно вспыхнула.

«Знакомо», – подумал Ракот. Жизненная сила погибших сопряжена с неким заклятием, не нужная мёртвым мощь немедля высвобождается.

Навстречу Владыке Тьмы рванулась клубящаяся огненная стена. Удар был такой, словно в грудь Ракоту грянул двухпудовый кузнечный молот; от любого смертного или бессмертного, ну, кроме лишь брата Хедина да сестры Сигрлинн, не осталось бы даже пепла.

Плоть Межреальности треснула, огонь потёк по разломам вглубь. Сам Владыка Тьмы пошатнулся, но устоял, и клинок его, довершая второй круг, снёс и изрубил тех, кто не успел вздёрнуть коней на дыбы перед верной смертью.

Таких было немного.

Ракот стоял на самом краю настоящего кратера, склоны его полыхали. За дымом разворачивались и пятились уцелевшие рыцари, их подпирала пехота. Кто-то очень быстро и грамотно разобрался в случившемся, остановив бессмысленную атаку.

Восставший обернулся к своему воинству. Ничего не случилось, потери ничего не значат, сомкнуть ряды, заполнить прореху!

Легионы повиновались.

Ракот не успел ещё призвать орков, тех самых, что звали его Отцом и кого он отвадил в своё время от каннибализма. Они были убеждены, что у них нет души; правда, у самого Владыки Тьмы на этот счёт имелись большие сомнения.

Нет души – нет и жизни.

Душа есть у всего живого, только в разной форме.

Тёмное воинство послушно выполнило приказ. Пока есть воля Ракота, пока он – хозяин Кипящего Котла, Тьма будет выполнять его распоряжения. Она кажется безвольной и податливой, но на самом деле...

Восставший вновь ступил на спину своего летучего зверя. Битва разгоралась по всему фронту, где-то наступали его отряды, где-то вперёд шли быкоглавцы с союзниками; и пока они заняты друг другом, он, Ракот, должен найти здешних заправил, тех, кто привёл сюда эту обречённую армию.

А что она обречена, он не сомневался.

Его Легионы не неисчислимы. Оружие и магия способны убавлять их число быстрее, чем Тьма и Кипящий Котёл – восстанавливать, а непреклонность воли самого Ракота – воплощать в способное сражаться воинство.

Так было в те дни, когда Молодые Боги подступали к стенам его последней цитадели...

Летучий зверь Ракота вновь нёсся над рядами противостоящей ему армии. Многочисленна, да, но случилось ему видеть воинства и куда крупнее.

Окраины Обетованного затягивал низко стелющийся дым. Ракот пронёсся над лагерями осаждавших, глазом опытного полководца замечая, что разбиты они совсем недавно и разом, словно быкоглавцы и их союзники свалились сюда с неба – то есть, скорее всего, прошли через порталы.

Кто-то очень умелый заправлял всем этим вторжением. Даже Молодые Боги, тесня Ракота к его последней цитадели, наступали от мира к миру, даже им не под силу оказалось прыгнуть сквозь неведомое и разом очутиться в сердце его тогдашних владений.

Летучего зверя заметили, с земли, из дымных клубов, взметнулись огненные шары, полетели стрелы – Ракот обращал на это внимания не более, чем на тучу мотыльков, толкущихся около огня. Вот уже засверкал впереди дворец Молодых Богов, так и простоявший пустым многие века. Познавший Тьму считал нужным поддерживать всё в порядке, но сам заходил в него редко.

Ага, вот и защитники – хитро-то как устроил братец! Владыка Мрака оценил туго свёрнутые пути, стягивавшие атакующих к нескольким узким местам, где сейчас и держались подмастерья Хедина. Вот, видно – сражаются: баррикада, вокруг неё всё выжжено, поваленные деревья, обугленные, наполовину сгоревшие, и быкоглавцы со своими коротышками-магами, отступившие на время.

За баррикадой прыгали, размахивая руками, двое половинчиков.

– Владыка Ракот! Владыка! Ура-а!..

– Помощь идёт! – загремел Ракот, не опускаясь на землю. – Держитесь, мо?лодцы!

Заложил вираж и устремился дальше.

В самом сердце Обетованного всё тихо, всё пусто, идеальный порядок. Ну конечно, как могли подмастерья названного брата уйти, оставив хоть что-то неприбранным?..

Журчит, как обычно, священный Урд в каменной своей чаше, пляшут песчинки на дне, поднимается лёгкий парок...

И тут всё хорошо.

Даже странно, если уж атакующие смогли притащить сюда этакую армаду, почему не попытались атаковать сверху? Или снизу? Или брат, Познавший Тьму,

свернул Межреальность тугими рукавами со всех сторон, так что откуда наступать – теперь совершенно безразлично?

Так или иначе, пора возвращаться. Битву ещё надо выиграть.

* * *

Сражение кипело, и, когда Ракот вновь промчался над шеренгами и своих, и чужих, всё продолжалось, как и бессчётное число раз до этого. Тёмные Легионы давили мерно и методично, как хорошо смазанная машина; к воинству Ракота примкнули лишь единицы смертных воителей, из тех миров, где память о его Восстании сохранилась, несмотря ни на что.

Льётся горячая кровь живых, быкоглавцы медленно пятятся, подавляемые обрушивающейся на них массой. Тьма тоже терпит урон, Ракот ощущал множественные болезненные уколы невидимых игл – всякий раз, когда клинок врага находил дорожку, поражая одного из воинов Мрака.

Восставший поморщился, мысленно торопя своего зверя. Плащ вновь распустился, затрепетал, подобно знамени, чёрный меч взмыл в небеса, и Легионы воспряли. Твёрдая как сталь воля того, кто их ведёт, – вот и всё, что требуется им для победы.

Ну, и чтобы резервы магии у неприятеля оказались бы ниже, чем у них. Ракот убедился в этом на собственном горьком опыте.

Полумесяц тёмного воинства охватывал армию быкоглавцев, и теперь она уже могла лишь пятиться. Стройными квадратами надвигались пикинёры, и шлемы как влитые сидели на обнажённых черепах; первые ряды ударяли как одна рука, чёрные наконечники из зачарованного металла пробивали щиты и доспехи.

То тут, то там быкоглавцам удавались короткие отчаянные контратаки, прямо в пустые глазницы наступающих летели сонмы огнешаров, трескалась и проваливалась под их ногами, копытами и лапами твердь Межреальности. Высокие и стройные воины, проскальзывая между рядами массивных быкоглавых сотоварищей, бросались вперёд под прикрытием огненных завес, их длинные клинки с лёгкостью рубили поддавшийся натиску пламени мрак, и

солдаты Ракота падали, обращаясь в горящий пепел.

Однако это была агония. Новые и новые ряды вставали поверх павших, одна тёмная волна сменяла другую, ходящие под плотью Межреальности кракены опутывали щупальцами и рвали на части десятки и десятки быкоглавцев; и Ракот невольно поразились стойкости своих противников. В былые времена армии Света давно бы уже побежали, особенно если на поле боя не появился бы Ямерт самолично.

Владыка Тьмы вновь воздел меч, и вновь Легионы послушно отозвались на его призыв. Ещё немного, последний натиск – и всё. Быкоглавцам останется или бросить оружие, или искать спасения в бегстве. Хотя едва ли они смогли бы далеко убежать через Межреальность, где простые смертные могут находиться лишь соизволением магов или богов, иначе их ждёт быстрая и неминуемая смерть от самого банального удушья.

Неведомые командиры этой армии должны понимать, что деваться им некуда, они меж двух огней, и единственное, что осталось разумного, кроме героической гибели, – это открыть порталы и уходить.

И вот тогда он, Ракот Восставший, последует через эти порталы за ними. Если, конечно, ему не придёт в голову ничего лучшего.

...Однако как же упорно они бьются! Его Легионы не знают ни страха, ни устали; а живые противники Тёмного Воинства – что с ними?

«Клянусь Кипящим Котлом – если бы нашёлся их предводитель, я скрестил бы с ним мечи!..»

Слова у Восставшего не расходились с делом.

Летучий зверь взмыл высоко над полем боя, и все, от края и до края, услышали глас Владыки Тьмы:

– Поединок! Хватит крови, пусть всё решит поединок! Я вызываю тебя, кто бы здесь ни распоряжался! Хватит зряшных смертей, вам не победить сегодня! Выходи, сойди со мной в честном бою, и, слово Ракота Восставшего, я дам

твоим бойцам уйти невозбранно!..

Новому Богу не трудно сделать так, чтобы слова его поняли все до единого в рядах противостоящей армии.

Повинуясь его воле, Легионы сделали шаг назад, оцетиниваясь копьями и не позволяя быкоглавцам ворваться в их ряды. Нехотя, словно под бичами, отступили и чудовища; щупальца кракенов опустились обратно под иллюзорную землю Межреальности.

– Выходи! И не думай, что сражаешься с неодолимым. Мрак бьётся честно, силы наши будут равны! – продолжал греметь Ракот.

Пусть придёт, пусть покажет себя...

На смертное поле медленно опускалась тишина, и только стонали раненые.

– Никого?! – рыкнул Владыка Тьмы. – Никто из вас не бросит мне вызов?

Быкоглавцы деловито сдвигали ряды, с необычным для их роста и комплекции проворством подбирали своих, оставшихся на ничейной земле.

А потом среди них возникло какое-то странное шевеление, шеренги расступались, давая проход кому-то незримому.

– Наконец-то! – летающий зверь ринулся к земле, плащ Ракота воспарил, сброшенный и подхваченный внезапным порывом невозможного здесь ветра.

Тёмный дым в волосах или волосы – тёмный дым?

Пламя в очах или очи – теперь из огня?

Расступись, дай дорогу, Тьма устремилась вперёд.

Кто бы ты ни был, я дам тебе честный бой, посулил сам себе Ракот.

Вот – раздалась последняя шеренга, и вперёд выступил – кто это?

Низенькая фигурка, плотно завернувшаяся в коричневый плащ.

Ростом, наверное, с половинчика – кто-то из этих магов, что так азартно швырялись в него, Ракота, огнешарами?

– Это ты распоряжаешься здесь?

Голову коротышки скрывал низко надвинутый капюшон. Ладони, потемневшие, в старческих пятнах, обхватили оголовье причудливо выгнутого посоха, вырезанного из цельного древесного корня.

– Я... – прошелестело в ответ, Ракот даже не мог понять, кто перед ним – мужчина или женщина.

– Хорошо. Слово Мрака нерушимо. Я дам тебе поединок, и твои собратья смогут вернуться по домам. Вам нечего тут делать, это не ваша война. Кто привёл вас сюда, кто погнал на смерть?

Коричневая грубая ткань капюшона не дрогнула. Змеиным шорохом полз еле слышный шёпот.

– Мы бьёмс-ся за С-свет, великий Тёмный. Мы вечные враги с-с тобой. Так было, так будет. Ты обещал, что мои братья и с-сёстры невозбранно уйдут, но не с-сказал, должны ли мы для этого одолеть тебя?

– Одолеть меня?! – расхохотался Ракот. – Одолеть меня, ох, насмешил, честное слово!.. Нет, храбрый мой противник, достаточно того, что ты принял мой вызов. Как только мы... закончим, открывайте ваши порталы и уходите! Вы достаточно наказаны своими потерями.

– Но что, – продолжал шипеть коротышка в капюшоне, – что будет, ес-если я возьму верх? С-согласись, великий Тёмный, нам с-следует это знать!

– Если ты одолеешь меня, – усмехнулся Восставший, – то я дам тебе место по правую руку и сделаю вожатым моих Легионов!..

– С-с-спасибо за чес-сть, великий Тёмный, но наш путь – путь С-света, и с-с него мы не с-сойдём...

– Кто «вы»? Кто вы такие? Кто привёл вас сюда? – резко бросил Ракот. – Зачем напали на Обетованное?

– С-с-с, с-сколько вопрос-сов, великий Тёмный... – с оттенком насмешки прошипела-просвистела фигурка из-под капюшона, словно из глубокой пещеры. – Но ты пос-свал нас-с с-сражаться или с-слушать ответы на вопрос-сы?

– Поединок – после ответа, безымянный. Кстати, негоже выходить на ристалище, скрывая лицо и собственное прозвание!

– С-с-с, наверное, это у вас-с так, у богов и с-сильных... а мы – прос-сты... ты пос-свал с-сражаться, великий Тёмный, так давай прис-ступим...

– Что ж, приступим, – пожал могучими плечами Ракот. – Я обещал тебе равный бой, поэтому...

– Не с-стоит, великий Тёмный, нам не нужны твои милос-сти. С-сражайся так, как хочешь, и тем, чем хочешь... – Коротышка отшагнул и вскинул наперевес свой корявый посох. Оголовье в виде иссиня-чёрного черепа, очень напоминавшего череп нерождённого дракончика, смотрело прямо в грудь Восставшему.

– Будь по-твоему, безымянный, – в груди Ракота kloкотал гнев, достойный Владыки Тьмы. Чёрный меч, послушно укоротившись, тоже поднялся в позицию; алый плащ Ракот обмотал вокруг левой руки, хотя его противник не имел ничего колющего или режущего.

Воинства замерли. Кружащие в небе темнокрылые существа, охотники и разведчики при армии Тьмы, спустились пониже, словно боясь что-то упустить.

– Твой удар пусть будет первым, – великодушно заявил брат Хедина.

– С-с-с... – просвистело существо. – Пус-сть так...

Ракот не сомневался в себе. За плечами лежали бесчисленные поединки в облике черноволосого и голубоглазого варвара, когда Новый Бог, добровольно себя ограничивая, сражался и побеждал – безумных колдунов, спятивших чародеек, шаманов, заигравшихся в кровавые ритуалы, сошедших с ума и сведших с ума тех Древних, которым они служили. Короли и правители, жрецы, предводители магических орденов – пути многих скрестились с его собственным, и все они оборвались.

Однако коротышка этот поистине бесстрашен. Вышел сразиться один на один, сознавая, что уже, скорее всего, не вернётся, разве что по моей милости, – мелькнула мысль за миг до того, как существо в низко надвинутом капюшоне вдруг сделало одно быстрое и неразличимое движение, выбросив посох вперёд; глазницы черепа вспыхнули ярким, травянисто-зелёным огнём.

В огне этом словно крылась квинтэссенция всего противоположного Тьме и Мраку, всего, что таил в себе Кипящий Котёл.

Свет, дающий жизнь, но не яростный, жгучий и иссушающий, а нежный, дарующий живительное тепло.

Жизнь, что в равной степени нуждается и в дне, и в ночи; которая вмещает в себя и то, и другое.

Смерть, что есть лишь великое Начало.

И, наконец, сама Тьма, укрощённая, поставленная на службу Жизни.

...Разбирать заклятия на составляющие всегда было уделом брата Хедина. Ракот привык встречать нацеленные в него удары клинком своего чёрного меча, принимая зачарованной сталью то, что составляло саму суть брошенных чар.

И сейчас он ответил как всегда, и клинок возмущённо загудел, россыпь голубых и синеватых рун вспыхнула на тёмном железе. Древняя магия, принимающая разные формы, столкнулась с не менее древней силой, той самой, что заставляет ростки раскалывать корнями неподатливый камень.

В глазах Ракота взвихрился зелёный хоровод, он невольно отступил на шаг, едва успев отразить ещё один удар, направленный теперь в ноги, чёрный меч рухнул, рассекая и дробя чужие чары.

И Владыка Тьмы отступил ещё на шаг.

Это не смертный маг, это даже не какой-нибудь «перворождённый эльф, изменённый муками и чародействами» с удивительно долгим веком, это...

Ракот отступил и в третий раз, пытаясь разглядеть лицо или хотя бы глаза под низким капюшоном.

– Кто ты?! – вырвалось у него.

Коротышка не ответил. Ловко закрутил посох перед собой, чертя им замысловатые петли и восьмёрки, словно в уличной драке. Из глазниц драконьего черепа изливалось изумрудно-зеленоватое сияние, оно обволакивало Ракота, обжигало глаза, заставляя их наполняться слезами.

Это лилась потоком чистая беспримесная магия, лишь в самой малой степени обрамлённая некими чарами.

– Постой! – вскричал Восставший. – Постой, зачем это тебе?

Мириады зелёных лучей вонзились в плоть Межреальности, и она стала поддаваться, расходиться, раскрываться, словно могильный ров.

Ракот проваливался, словно Междуирие более не могло удержать его на себе.

Тьма всклубилась у него за плечами, багровые молнии грянули в разные стороны; где-то далеко-далеко, в неведомой глубине Упорядоченного из Кипящего Котла вверх рванулся султан тёмного пламени, бездну сотрясал рёв.

Чёрный меч Восставшего с размаху вонзился в теряющую плотность, тающую подобно весеннему снегу твердь Межреальности. Лезвие провалилось, почти не встречая сопротивления, но Владыке Мрака этого хватило, чтобы вырваться из готовой вот-вот захлопнуться ловушки.

Вид его сделался поистине страшен. Чёрные волосы до плеч исчезли, вместо них тянулись длинные пряди серого дыма, дрогнули черты лица, расплавляясь и истаивая, заменяясь сотканной из дыма же маской-забралом островерхого шлема. Могучие мышцы исчезали под тёмной бронёй, и чёрный меч рубил крест-накрест, рассекая самую плоть брошенных против него заклинаний; однако они не дробились, не крошились, не ломались – напротив, мгновенно вцеплялись в сталь, обвивались вокруг, словно гибкие стебли.

– За... чем... э... то... те... бе?..

Слова едва находили дорогу с губ Владыки Тьмы.

Его противник уже ничего не ответил – отскочил, отмахиваясь посохом. Коричневый плащ дымился в нескольких местах, пламенели разрезы, оставленные чёрным лезвием.

– Обман... ты – один обман... – прохрипел Восставший.

Его противник не отвечал. Зелёное пламя перекинулось из глазниц черепа на самую кость, занялось уже и дерево посоха.

– Тебе не победить, – Ракот обретал прежнюю уверенность. С плеч его рвалось алое пламя, чёрный меч описал широкую дугу, сшибся с подставленным посохом, и отполированное дерево разлетелось вдребезги. Дракониный череп, кувыркаясь, взмыл высоко вверх, таща за собой всё ширящийся хвост зелёных искр.

– Что теперь? – острие смотрело в грудь коротышке, уронившего руки и низко склонившему голову.

– Теперь, с-с-с... теперь мы уйдём, – последовал ответ, и существо бросилось прямо на Восставшего.

Чёрный клинок встретил его в воздухе, пронзил тщедушное тело насквозь, выставил острие из спины; однако на нём не было крови.

Глаза Ракота расширились – создание, наколотое на меч, стремительно распадалось, утрачивая даже отдалённое сходство с человеком, оборачиваясь клубком коричнево-зеленоватых не то змей, донельзя похожих на лианы, не то лиан, донельзя похожих на змей.

Обрывки плаща отлетели прочь, а живой клубок стремительно рванулся вверх по клинку; отростки резали сами себя о лезвие, отпадали, мгновенно обращаясь тёмной пузырящейся слизью, но вместо них стремительно выростали новые. Они множились с такой скоростью, что, даже теряя половину, всё равно неудержимо устремлялись к Ракоту.

Владыку Тьмы нелегко было застать врасплох, вот и сейчас его облик внезапно подёрнулся серым дымом, стал утрачивать чёткость, он словно бы тонул в облаках, поднимающихся над чревом Тёмного Источника.

Никакие чары смертных волшебников не властны над Хозяином Кипящего Котла, собери их хоть со всего Упорядоченного. Развоплощающийся Ракот должен был проскользнуть сквозь живые путы, подобно дыму сквозь свитые из обычных вервий сети; но вместо этого клубок щупалец-лиан лишь вцепился в него ещё крепче, в свою очередь утрачивая телесность.

Ракот яростно отшвырнул меч вместе с угнездившимся на нём чудищем; вдоль вцепившихся в него отростков прокатились волны тёмного пламени, чужая плоть зашипела и запузырилась, сгорая в этом потоке силы.

Меч Владыки Мрака вонзился в землю; неведомая тварь пыталась удержаться, цепляясь за эфес, но щупальца сгорали одно за другим, и сам живой клубок стремительно таял, словно лёд под струёй горячей воды.

Вот уже рукоять меча совсем очистилась, вот тёмный огонь заплясал вокруг, дожигая то, что не успело ещё сгореть.

– А теперь мы падём вместе, – услышал Восставший слабый, задыхающийся, словно бы предсмертный хрип.

И тут скрепы Межреальности разъялись под ними окончательно.

Словно помогло собственное пламя Ракота.

Владыка Тьмы исчез прочь с глаз застывших на смертном поле армий.

И вместе с ним канул в бездну его меч.

Яргохор, Водитель Мёртвых

Врата царства Хель пали, разрублен мечом Водителя Мёртвых её трон, и весь сонм обитавших там душ следовал за новым своим повелителем.

Они текли сплошной рекой мимо логова Гарма, и дальше, к Гнипахеллиру, но дальше их ждали отнюдь не населённые живыми края. Яргохор поворачивал в небеса, ступая по незримой тверди так же легко, как и по обычной земле; Дикий Гон шествовал к звёздному своду и тому, что за ним, к широким и бесконечным дорогам Межреальности.

Дикий Гон следовал за своим вожаком, Водителем Мёртвых Яргохором, без раздумий и колебаний. Мёртвые не умеют ни думать, ни, тем более, колебаться, а Яргохор, которого в прошлом бытии звали Ястиром, одним из Молодых Богов, не оглядывался, ему этого не требовалось.

Он знал, чувствовал всё великое множество шедших за ним, покорных ему, вырвавшихся из заточения призраков. Всё пережитое ими в застенках Хель, весь ужас и отчаяние медленного гниения там и распада, весь кошмар безнадёжности – всё это обращалось в ненависть, холодную, всеобщую и неизбывную.

Идеальные воины, идеальные бойцы – неуязвимые для обычной стали, не знающие страха, не ведающие сомнений. И только он, Яргохор, сможет в полной мере использовать эту мощь.

Река душ, вырвавшихся из застенков, резала Упорядоченное, словно серый клинок. Поток казался бесконечным, тысячи лет Хель собирала в своих залах «недостойных Валгаллы», и набрались их великие множества. Всего один мир, всего один – а какая сила, какая силища, навек запертая, заключённая в этих «душах», субстанциях, субстратах, из коих ещё только предстоит вырасти

поистине великому!..

Теперь он, Яргохор, сможет отомстить поистине всем; всем, кто бросил и предал его, кто обрёл на века жалкого прозябания в северных тундрах Хьёрварда, где он лишь уныло влачился туда-обратно по тёмному тракту. Он отомстит своей родне, первой отвернувшейся от него, он отомстит тем, кто пришёл следом, потому что никто не помог освободиться, никто не помог освободиться, никто не желал разглядеть в нём не Яргохора, не жуткое чудище, увлакивающее мёртвых в Хель, а Ястира, каким он был до Первого Дня Гнева.

Все забыли, как он сделался Водителем Мёртвых, никому не было до этого дела; никто о нём даже и не вспомнил.

Что ж, память у него хорошая, как и положено провожающему мертвецов в их последний путь. Но только теперь, сокрушив барьеры царства Хель, он понял, что истинное предназначение Водителя Мёртвых не только вести души к месту их упокоения, но и в должное время вызволять оттуда.

Хьёрвард остался позади, впереди расстилалось бескрайнее Упорядоченное, со множеством миров и вместилищами мёртвых при них. В его, Яргохора, власти обойти их все, собрать великое воинство, какого ещё не знала вселенная с самого момента её сотворения.

Он пойдёт куда дальше, чем его бывшая родня, которая так и не смогла ничего сделать со времён своего падения. Где они теперь – надменный Ямерт, заносчивый Ямбрен, спесивый Ялмог, кичливая Явлата, надутый Ялвэн, загордившаяся Ятана, тихоня-себе-на-уме Ялини? Где все остальные? Где ушедший от мира Яэт, подвизавшийся вроде как «надзирателем» царства Хель, оставшегося после Боргильдовой Битвы без правительницы?

Что осталось от их былой славы и величия? – ничего, даже воспоминаний. И он, Яргохор, не собирался усаживать их обратно на троны, вовсе нет. Он сумел освободиться от тяготевшего проклятия, он сумел подчинить себе мертвецов, и его армия – это именно его армия, а не Ямерта или Ямбрена.

Но ему нужно больше воинов, намного больше.

...Дикий Гон шествовал сквозь Упорядоченное.

Воинство цвета сумерек – призраки, обретшие свободу и форму воинов, – оцетинившееся чёрными пиками, алебардами, гизармами и глефами, оно возникало в небесах очередного мира и спускалось вниз, почти к самой поверхности, маршируя по воздуху, словно по твёрдой земле.

Внизу, в городках и селениях, во дворцах и в лачугах живые их обитатели в ужасе запирали двери, захлопывали ставни, хватали какое ни есть оружие и дружно бормотали все молитвы, какие только знали.

Дикий Гон пронёсся над погостами – и могилы выворачивало наизнанку, дробя доски гробов и ломая каменные плиты, вышвыривая оттуда истлевшие кости или даже только что погребённых покойников.

Водителя Мёртвых не интересовали скелеты или полусгнившие трупы, ему требовались души – но, как он чуял, вырвать их из других «царств мёртвых» будет куда легче, если разрушено место последнего упокоения тела.

...Первое из таких царств лежало перед ним, вход – через огневеющее жерло вулкана, сквозь чёрные, заполненные пламенной лавой подземные каверны.

Водитель Мёртвых шагал первым, держа наготове чёрный меч, и слабые призраки этих мест с писком исчезали, страшась его вида.

Потом дорогу им преградила местная стража – трёхглавый великанский пёс со змеями вместо шерсти, охранявший высокие каменные ворота с каким-то гордым, но глупым, на взгляд Яргохора, девизом.

Чудовище надвинулось, из пастей капала ядовитая слюна; Яргохор не отступил, не отступил и пёс, недолго думая, прыгнул, сам насадив себя на клинок Водителя Мёртвых.

Хлынувшие вперёд призраки вцепились в ещё живую плоть монстра, рвали, кромсали, терзали, вмиг оставив лишь окровавленный костяк.

Яргохор улыбнулся под высоким шлемом. Улыбнулся про себя, ибо лица у него не было, одна темнота.

Его воины облепили ворота, исполинские створки зашатались, громадные петли вырывались из древнего камня; Яргохор переступил порог чужих владений.

...Он побеждал везде и всюду. Местные «владыки» не могли противостоять его клинку; очень скоро Водитель Мёртвых повёл к выходу ещё один сонм призраков, его воинство возросло более чем вдвое.

И дальше, в других мирах, всё выходило так же: рушились тёмные своды, охранявшие покои мёртвых многорукие девы, стоглазые гидры и прочие страхи гибели, пронзённые мечами и пиками Дикого Гона.

Битвы были стремительны и кончались всегда одинаково. Засидевшиеся на своих тронах «владыки мёртвых» не умели сражаться, они привыкли иметь дело с одними лишь покорными душами; Яргохор повергал их, пронзал им сердца, и жертвы поднимались вновь, лишённые воли, готовые служить ему.

Армия мёртвых росла, скоро она покажет себя и в настоящем сражении, доселе все стычки были лишь лёгкой прогулкой.

Нескончаемая река призраков со стороны начинала казаться исполинским и жутким существом, единым из множества. Власть Водителя Мёртвых была велика, однако её следовало сделать ещё крепче, и помочь тут могли только Источники Магии.

Светлый Урд был недоступен; к тёмному Кипящему Котлу едва ли удалось бы прорваться просто так; оставался третий источник, Источник Мимира. Конечно, у него должен иметься хранитель, но с ним, полагал Яргохор, он сумеет справиться.

...Источник был уже совсем рядом, когда впереди, на самой границе его мира, замаячила крошечная человеческая фигурка.

Далеко не старый ещё человек, в простом, даже грубом хитоне и сандалиях, тёмная бородка, волосы до плеч. Он скорбно смотрел на приближающуюся армию мёртвых, и пальцы его сжимали отполированное до блеска дерево простого посоха.

Он ждал.

...Яргохор не удивился, заметив неожиданного гостя. Спаситель – ну, значит, Спаситель. Его, Ястира, и его Дикий Гон уже никому не остановить.

Они сближались – армия мёртвых во главе с гигантом в тёмной броне, и Спаситель в сером старом хитоне. Яргохор не имел никаких распрей со внезапно пожаловавшим гостем, они никогда не сталкивались, больше того, пока Яргохор был Ястиром, о Спасителе вообще никто не слышал. А потом, таская мёртвых через Гнипахеллир и угрюмо влачась обратно... потом до него докатывались какие-то слабые отзвуки, издалека, порой он чувствовал, что много-много душ разом покинули посмертную юдоль. Но у Яргохора было своё дело, простое и повторяющееся, и что ему до каких-то дальних трагедий?

Сейчас же Спаситель преграждал ему дорогу, и не просто преграждал: стягивал к себе все пути, явно не желая, чтобы его обходили; оставалось лишь наступать прямо в лоб.

Огромная армия мёртвых разворачивалась в боевой порядок. Яргохор застыл в самом её центре, ожидая, пока займут позиции полки на левом и правом крыле. Если Спаситель хочет боя – он его получит, Ястир не собирался ничем делиться.

Чёрный меч поднялся для удара, но Спаситель лишь скорбно покачал головой, дав посоху упасть и широко разведя в стороны безоружные руки.

В сознании Яргохора внезапно вспыхнул целый ураган стремительно менявшихся образов – миры молодые, расцветающие под недавно вспыхнувшими солнцами, и миры старые, покрытые льдами, словно сединой, где светила утратили связь с потоками великой силы. Миры, пульсирующие жизнью, и миры мёртвые, опустевшие, где лишь ветер выл над бесконечными кладбищами, над бесконечными полями костяков.

Миры, от которых распространяется жизнь, свет, счастье, – и миры, источающие ядовитые миазмы, подобно разлагающемуся трупу.

Души смертных и бессмертных, закованные в тюрьмах обречённой плоти, следующие по проклятому и краткому кругу – Дерево во владениях Демогоргона – мир, живой или умирающий – жизнь, сколь угодно краткая или долгая, и

заточение в «царстве мёртвых».

«Мне нет до этого дела, – без слов ответил Яргохор. – Пусть хоть все миры обратятся в ничто, подвластные мне души останутся со мной. Месть моя свершится, и, если ты хочешь меня разжалобить...»

Спаситель этого явно не хотел, он просто показывал, никак не обнаруживая, что воспринял сказанное Водителем Мёртвых.

Умерших миров будет становиться всё больше, и даже Он, Спаситель, упокаиватель и могильщик, не будет успевать хоронить всех мертвецов.

И когда придёт последний день, последний рассвет, когда едва светящее солнце глянет на отравленные миазмами поля, когда начнут рушиться сами барьеры и стены Упорядоченного, а в бреши хлынет дикий огненный Хаос, – кто встанет у него на пути?

«Это не моё дело, – холодно отозвался Ястир. – Я пришёл мстить, и я буду мстить; разговоры закончены».

Чёрный меч устремился прямо в грудь Спасителю, тот мягко отстранился, остриё пронеслось мимо.

До слуха Яргохора донёлся словно шелест бесчисленных крыл, как будто сюда мчались стаи неисчислимых стрекоз и были уж совсем близко.

Водитель Мёртвых отдал безмолвный приказ, и его воинство сдвинуло ряды, словно обычные живые копейщики и щитоносцы.

Спаситель оказался вдруг рядом с Яргохором, ладони его легли на тёмную броню, и Ястир зашатался.

...Руки Спасителя обжигали разом и огнём, и леденящим холодом. Странная, чужая воля проникала сквозь доспехи, парализовывала сознание, заставляла мутиться мысли; Яргохор успел, однако, воззвать к своим призракам, и те послушно потекли ему на выручку, низко склонив чёрные острия пик.

Спаситель грозно вскинул одну руку – и бесплотные воины Водителя Мёртвых зашатались, роняя оружие; власть Его над неживым воинством была сильнее, нежели у Яргохора.

Не так значительно, но всё-таки сильнее. Проклятие, и уже не успеть добраться до Источника Мимира...

Ястир боролся. Его собственная тёмная воля оттолкнула вторгающееся чужое сознание, картины затянутых смертным льдом миров уступали место совсем иному – мирам, через которые маршировало его призрачное воинство.

Они горели от полюса и до полюса, и всё живое обращалось во прах, не в силах устоять перед призраками Водителя Мёртвых. У каждого из павших он, Яргохор, исторгал душу, и она становилась ещё одним воином в его армаде.

Спаситель усилил натиск. Лёд наползал на яростное пламя, языки его шипели и умирали под синевато-прозрачными глыбами. Фигуры крылатых исполинов в белоснежных одеяниях поднимались над горизонтом, и смертные воители, воздев хоругви с Его ликом, ободрённые, устремлялись в схватку.

«Постой же, ты, который думает, что так легко сломает меня, пережившего День Гнева!»

...Там, на тёмных путях Гнипахеллира, Яргохору порой встречались случайные путники; они расставались с душами, Водитель Мёртвых исторгал их, присоединяя к очередному каравану.

И сейчас он, не думая, кто перед ним, попытался сделать то же самое. Спаситель не страшился никакого оружия, даже магического, он не дрогнул, когда чёрное лезвие коснулось его плоти (а может, лишь искусной её иллюзии); и Яргохор попытался сделать то же самое, что он проделывал множество раз с теми самыми смертными, что имели глупость или неосторожность забрести слишком глубоко в мрачные поля Гнипахеллира.

«Раз у тебя, Спаситель, человеческая форма, значит, где-то в глубине прячется и сознание, способное изобразить человека, смертного, понятного и близкого остальным. А раз так, должно быть там что-то, подвластное и ему, Водителю Мёртвых!..»

И ему показалось, что он нащупал нечто подобное – череду не то воспоминаний, не то предвидений: ребёнок, играющий среди друзей, юноша, втолковывающий что-то внимающим ему бородачам; молодой человек, вещающий перед толпами; и он же, влекомый на казнь.

Это повторялось раз за разом, и было похоже, только похоже, на память настоящей души.

Чёрный клинок потянул всё это на себя.

Но вместо увиденного в Яргохора хлынул лишь холод, мороз и лёд недвижности. Картины рассыпались мириадами острых осколков, и вместо них оставалось нечто, названия чему не знал даже Ястир, некогда один из Молодых Богов.

...Он пытался бороться, но и силы, и чары, и магия умирали, не в силах покинуть глубин его же сознания. Он пытался сдвинуться с места, но вокруг царили лишь смерть и разрушение, что-то иное – не Хаос и не Порядок, не Свет и не Тьма – пожирало всё на своём пути.

Жаркий ужас, подобный тому, что пришлось испытать после Дня Гнева, когда перестал быть Молодой Бог Ястир, а появился Водитель Мёртвых Яргохор, затопил предводителя Дикого Гона; из пламени возникло строгое и скорбное лицо Спасителя, взгляд его прожигал, суля в то же время спасение и избавление.

Глаза Ястира закрылись, тьма, его собственная субстанция, внезапно ополчившись, залила взоры.

...Мёртвые воины-призраки терпеливо и равнодушно ждали. Им было всё равно, кто возьмёт верх.

Глава 1

Хедин, Познавший Тьму

Острая, словно кость, горная вершина нависала над тёмно-изумрудным морем бескрайних лесов. Бирюзовый купол неба с россыпью белых облачных росчерков, ветер в лицо и ощущение беспредельности. Беспредельности, что ощущается здесь куда острее, чем даже над пропастями Межреальности.

Внизу на много дней пути расстилались дремучие чащи, волны их накатывались на старые горы. На высотах рождались реки, серебряными жилами оплетали тёмно-зелёную, как старый малахит, чащу.

Здесь особенно остро ощущалась вечность.

Прошедшая вечность.

Хедин стоял, скрестив руки на груди.

Прошедшая вечность – какие банальные слова, не правда ли?

Как капли, как ускользающий сыпучий песок. Как кровь из смертельной раны. Как свет умирающей звезды, как последнее дыхание бродяги, замерзающего на пустом, всеми покинутом тракте.

Вороньё несло следом за Познавшим Тьму, и это были не благородные чёрные враны Старого Хрофта. Хедин и Ракот пробудили к жизни великие силы, поднялся шторм, невиданный со дней основания Упорядоченного, и теперь настал миг долгожданной битвы.

Рухнет ли Закон Равновесия, выстоят ли Весы – уже не важно. За Хедином идут смертные, поверившие в него и вручившие ему самое ценное, что у них есть, – искреннюю, горячую веру. Что им смерть, что им бессмертие души, если они идут в бой за правое дело?

Боги не умеют ни думать так, ни даже чувствовать. Их удел – другое, но порой они ощущают нечто вроде зависти.

Но нет, сейчас уже не время. Прочь эти рассуждения! Пора их прошла. Бой, только бой! Меч пламенных ангелов, чёрный меч Ракота – этой паре найдётся достойное дело.

...Позади останутся руины, пожары и гробы. Серые некрашенные домовины лягут в землю, рядом друг с другом, и дадут новую жизнь. Новую жизнь Упорядоченного, а каким оно будет, это мироздание, – зависит сейчас даже не столько от него, Хедина, не от Ракота, Дальних, Спасителя или кого-то ещё – но от тех смертных, что шли сейчас за Познавшим Тьму.

Когда-то, до срока, были непобедимы отряды Ночной Империи. Когда-то не знали поражений бесстрашные воины Хагена. Ему же, Хедину, сейчас необходимо, чтобы поднятые его словом люди прошли до самого конца без единой неудачи.

Так уходит Вечность, и он, Познавший Тьму, знал это. Когда-то давным-давно Старый Хрофт рассказывал ему о Рагнарёке, в пору, когда Хедин уже знал, кто его собеседник. Они знали, что их время пройдёт. У Хедина и Ракота была целая вечность творить то, что они считали правильным. Вечность прошла.

Познавший Тьму стоял неподвижно, скрестив на груди руки, перебирая в памяти потерянных друзей, особенно тех, которые не знали, что скромный худощавый чародей в выдавшем виды коричневом плаще – есть Новый Бог Хедин.

У Богов нет друзей. У волшебников – они случаются.

Особенно если, как Ракот, бродить по мирам инкогнито. В былые времена по Северному Хьёрварду хаживал некий маг по имени Рагнвальд, которого любила Кера, страстная и ревнивая, как и полагается Огненной Деве. Да, она любила его, по-своему, но любила. И стоило ли так вживаться в роль циничного странствующего чародея? Уж не завидовал ли он тогда Ракоту?

Впрочем, не важно. Самое лучшее средство от излишних размышлений, как говаривал гном Арбаз, один из подмастерьев Нового Бога, – это или хорошее пиво, или хорошая драка. А лучше всего – и то и другое вместе.

...Он выбрался из бездны Неназываемого. Огромной ценой, но выбрался; вытянул в безопасные области Упорядоченного вот этот самый мир, что сейчас под

ногами.

Сигрлинн, сражаясь с Отцом Дружин в возрождённом Асгарде, подле вредоносного Четвёртого Источника, сама того не желая, сделала доброе дело – безостановочно черпала льющуюся из него силу, творя убийственные заклятья, пережигала её, восстанавливая баланс потоков магии. Четвёртый Источник теперь меньше расшатывал вселенную; можно было только поразиться стойкости Старого Хрофта, устоявшего перед эдаким натиском.

Что-то творилось с Древними Богами по всему Упорядоченному, они зашевелились, вылезая из тёмных логовищ, обретая новые силы или вспоминая то, чем владели некогда, и это тоже нельзя было сбрасывать со счетов.

Но самое главное – вызванный прорывом Четвёртого Источника магический хаос, расшатавший клетку Неназываемого, потихоньку угасал, и Познавший Тьму сейчас напряжённо искал этому причины.

Две его ипостаси, Наблюдающий и Действующий, инструменты, созданные во время спуска в пасть чудовища, с которыми ему предстояло окончательно объединиться возле священного Урда, послушно доложили, что потоки новосотворённой пустоты, зонами скармливаемой Неназываемому, вновь начали течь если и не как раньше, то, во всяком случае, более упорядоченно, не срывая с места укоренённые в Межреальности миры.

Неназываемый, не подчиняющийся никаким законам, – если не «хаос воплощённый», то нечто, к нему близкое, – вдруг сам сделался... упорядоченным.

«Нет, не так, конечно. Не обманывай себя, Познавший Тьму, – подумал Хедин. – Слишком хочется думать, что худшее позади, что опасность миновала, и особенно трудно признать, что ты не знаешь, привела ли к чему-то жертва самим собою там, в бездне Неназываемого».

Сейчас ему казалось, что это именно так. Что именно он, двойник – а может, истинный Хедин? – оставленный в пасти вечно голодного зверя, что-то смог сделать и изменить. Неведомо как, но смог.

Тем не менее вся система, так долго сдерживавшая чудовище, вновь застыла в хрупком равновесии. Четвёртый Источник не то чтобы иссяк, но сила теперь не была из него фонтаном, а сочилась тонкой струйкой. Урд, Кипящий Котёл и Источник Мимира, повинувшись сложнейшим, давным-давно наложенным заклятьям, постепенно брали верх, поток пустоты вновь становился ровным, упорядоченным, плавно обтекающим миры, а не срывающим их с места.

Правда, всё это благолепие грозило рухнуть в любой миг, от малейшего магического возмущения. Даже ему, Хедину, когда-то устраивавшему всю систему сдерживания Неназываемого, требовалась особая осторожность.

Зверь в бездне чуть присмирел, но отнюдь не успокоился. Баланс Источников должен быть восстановлен, однако это, быть может, самое простое из предстоящих дел. Затишье в шторме; краткое или нет, его нужно использовать. И для этого все средства хороши. Хедин зябко повёл плечами. Вера и любовь смертных – она словно сладкий яд.

Все права на ошибку уже использованы. Пришла пора просто побеждать.

Граница пересечена, обратной дороги нет.

Вера и любовь смертных – она словно сладкий яд.

Нельзя сказать, что Познавшему Тьму чувство это было совсем уж незнакомо. То тут, то там в пределах Упорядоченного возникали их с Ракотом храмы. Но... у них нет Церкви, как у Спасителя. Жрецы Хедина-Милостивца и Ракота-Заступника – скорее тайный орден, чем всевеликая вера. А здесь...

У ног Познавшего Тьму лежал спасённый мир. Банально, но именно так – спасённый от падения в бездну Неназываемого. Вера в него здесь стала абсолютной. Собственно, это даже не было верой, это было знанием. Его видели тысячи тысяч. Явленные им чудеса лицезрело ещё больше.

Храмы воздвигались – во множестве, а в них – его изображения. Сонмы владеющих кистью спешили зарисовать его, сохранить его облик; и для веры как таковой уже не оставалось места.

Пора было уходить; его ждал брат Ракот, ударивший в спину штурмующим Обетованное быкоглавцам.

Тихие шаги за спиной. Запахло лугом, весной, цветущим полем.

– Великий бог Хедин...

Соломенноволосая богиня этого мира, с золотистым серпом за узорчатым поясом. Большие васильковые глаза, бело-зелёное платье до колен, открывающее босые ноги.

Познавший Тьму обернулся.

Она перестала быть великаншей. Женщина, дева, разом и юная, и древняя, как сами времена года, как само небо, как вечнорождающая пашня.

– Великий бог Хедин...

Она низко склонилась перед ним. Солнечные волосы заплетены в косу с синей, под цвет глаз, ленточкой – бесхитростным подношением кого-то из тех, кому она помогла в бесчисленных делах повседневности.

– Внемлю тебе, Тейсида.

Древние этого мира любили торжественный слог.

Холм под ногами Познавшего Тьму был не просто холмом; в толще его скрывалось древнее святилище, посвящённое как раз соломенноволосой и голубоглазой Тейсиде, Подательнице Урожая.

Когда-то давным-давно здесь поклонялись ей, быть может, самые первые племена, что перевалили через горы и пришли на эти благодатные равнины, в её царство.

Поклонялись и воздвигли храм. Странно только, что сделали они его подземным – уж кто-кто, а Тейсида к подземельям никакого отношения не имела.

– Спасибо, что почтил место сие, Великий.

Древняя застыла, словно не смея приблизиться. Тонкие пальцы сжались на рукояти золотого серпа за широким узорчатым поясом.

– Оно ведь посвящено тебе, Светлая?

Она кивнула, осторожно улыбнувшись.

– А почему всё-таки подземелья? – не удержался Хедин от вопроса.

– Тогда это были опасные места, Великий. Мои тёмные братья и сёстры, увы, никак не желали понять то, что понимает любой хищник: нельзя истреблять всю добычу за один присест, иначе умрёшь с голоду.

– И они нападали на поклонявшихся тебе?

Тейсида вновь кивнула.

– Нападали, Великий. Мне приходилось помогать тем, кто молил меня о защите. Поэтому подземелья. А где подземелья, там и тьма. Так мне пришлось стать грозной, – лёгкая улыбка, хоть и с оттенком печали. – Племена относили сюда, в святилище, рожениц. Я помогала тоже. Тех, кому помочь не могла, – забирала себе.

– Ты собирала себе их души? Души детей, умерших при рождении? И их матерей, скончавшихся родами?

Она кивнула, виновато прикусывая губу.

– Я знаю, это неправильно, Великий бог. Души должны вернуться в великую реку, в великий круговорот, в вечный цикл жизни. Но мне было так их жалко...

– И ты создала своё собственное Царство Мёртвых?

Взор Тейсиды опустился совсем низко.

– Нет, о Великий. Прошу тебя, не гневайся на меня. Или гневайся, но выслушай.

Познавший Тьму вскинул руку.

– Не буду гневаться, Светлая. Ты поступила так по доброте, а не алкая власти, почестей или преклонения. Но дай им теперь свободу, этим душам.

– Всё будет по слову Великого Хедина. – Её покорность казалась чрезмерной.

– У тебя прекрасные леса, добрая Тейсида.

– О! – она улыбнулась. – Похвала Великого Хедина стоит многого. И слово твоё, Великий, для меня закон. Но я хотела просить совсем о другом...

– О чём же?

– Великий Хедин... – потупилась Тейсида. – Моя просьба, наверное, покажется смешной и неуместной, но... Великий Хедин...

– Прошу тебя, Светлая, не злоупотребляй этим эпитетом. Мне он не очень нравится.

– Не гневайся на меня, Великий, – Тейсида смущалась и краснела. – Но я хотела сказать... Ты спас нас, удержал от падения в бездну. Все возглашают тебе хвалы. И простые смертные, и мои собратья, такие же Древние.

– Мне не нужны славословия, – сухо сказал Познавший Тьму.

– Я знаю! Знаю! Но дело в том... что мои родичи уже начали делить власть. Они уже спорят, кто «больше помог великому Хедину». А это значит – будет война, Великий. В который уже раз.

Познавший Тьму безмолвствовал.

– Тёмные и Светлые, и Серые, и Бесцветные – все повылазили, все оживились. Так не должно быть, Великий. Они в который раз зальют мир кровью тех, кто

падёт на полях сражений, и тех, кого зарежут на чёрных жертвенниках.

– Чего же ты хочешь от меня, Тейсида? – угрюмо осведомился Познавший Тьму. – Я не пасу народы жезлом железным.

– Всё может быть иначе, всё должно быть иначе! Ты, ты должен править нами, Великий! Ты могуч и мудр, ты благ и справедлив...

Хедин поморщился, словно у него вдруг разболелись зубы. Никакие зубы у него, конечно, отродясь не болели, но...

– Ты должен править Упорядоченным. На высоком троне, в сиянии и славе; постой, Великий, прошу тебя, не перебивай! Я знаю, ты скажешь, что ты один, а Вселенная огромна; но испокон веку боги, собираясь править, заводили себе много детей, выполнявших их волю. Стань богом-отцом, Великий, правь нами сам или дай нам своё потомство, что будет таким же сильным и справедливым! И это – единственный путь; в тебя верят, за тобой идут. Не станет тебя – вновь начнутся распри и кровь! Нами должен владеть настоящий бог! Не такой, как мы, не рождённый от плоти мира, но возникший в невообразимой глубине Упорядоченного! Даже у меня сразу же кружится голова, стоит задуматься об этой необъятности...

– И этот истинный бог – я? – глухо спросил Хедин.

– Да, – тряхнула головой Тейсида. – Ты, Великий. Тебе править. Пусть имя твоё прогремит от края до края Упорядоченного. Пусть храмы тебе воздвигнутся повсюду! Дай мирам и народам закон, строгий, но справедливый! Правь нами и пошли детей своих помогать тебе! Нужен истинный хозяин! Один, настоящий! – Она умоляюще сжала руки перед грудью.

Воцарилось молчание. Хедин замер, глядя в подёрнутую дымкой даль, и Тейсида замерла тоже, не сводя с него васильковых глаз.

– Светлая Тейсида, – проговорил наконец Познавший Тьму, – всегда, едва лишь появляется «истинный хозяин», убытки и потери от него неизменно начинают превышать...

– Значит, он неистинен, – покачала она головой.

Познавший Тьму вздохнул.

– Многое мог бы я тебе возразить, Светлая, но не вижу смысла. Мой долг – хранить Упорядоченное, а не восседать на тронах. Не думать за других, не указывать, но лишь подсказывать и направлять. Сейчас – и только сейчас – я пошёл на то, чтобы собрать множество верящих в меня. Но лишь потому, что нам предстоит поистине небывалая битва, а не оттого, что решил влезть на какой-то там престол.

– Великий Хедин не прав, – Тейсида опустила голову.

«Кажется, сейчас заплачет», – подумал Хедин безнадежно.

С женскими слезами не способен справиться никакой бог.

Спасти мир – это пожалуйста, нырнуть в бездну Неназываемого – сколько угодно, но сделать так, чтобы прекрасная дева не рыдала...

Нет, это выше его сил.

«Как же я понимаю порой Ракота. Чёрный меч на плечо – и бегом-бегом поражать новое чудовище!..»

А со спасёнными красавицами пусть разбирается кто другой.

– Для начала надо выиграть битву, Светлая. А о престолах и прочем мы подумаем потом.

* * *

«Война – единственно достойное занятие мужчины».

Хедин помнил себя тогдашнего, когда всё было просто и ясно. Или это теперь так казалось ему? Ему сегодняшнему, Новому Богу, «хозяину Сущего», как

напыщенно именовали его порой подмастерья? Казалось, что всё просто и ясно, хотя на самом деле было совершенно не так.

Времена изменились. Что осталось прежним, так это избыток врагов и явная нехватка друзей. Правда, у него имелся План Хедина, а это, как говаривали гномы, уже полдела.

Планы никуда не делись и сейчас, правда, куда более смутные и неопределённые. Слишком много изломов и поворотов «а если так, то мы эдак». Планы – это хорошо. Но ещё лучше, когда просто знаешь, чего нужно достичь.

У смертных в самых разных мирах, на самых разных языках частенько звучит фраза «вызываю огонь на себя».

Хедину предстоит проделать то же самое.

Мир, где властвовала Тейсида с сородичами-Древними, пережившими всё – явление Молодых Богов, Восстания Ракота, падение Ямерта, натиск Неназываемого, – дал Познавшему Тьму воинов. Простых смертных, людей, сильванов, перьеруких. Нереид, тритонов, и прочий морской народ пришлось оставить – им не преодолеть Межреальность.

Рати собирались на огромной равнине, там, где Хедин впервые показался им. Здесь предстояло открыть врата в Межреальность и потом ещё как следует попотеть, прокладывая короткие тропы, иначе воинству придётся маршировать многие месяцы, прежде чем оно доберётся до Обетованного.

Конечно, в изобилии уже явились новоявленные «жрецы» Познавшего Тьму и толкователи «поданных великим богом Хедином знамений». Это неизбежно, это в людской природе. Старый Хрофт молодец, он всегда принимал смертных и бессмертных такими, как они есть, не требуя ничего и ничего не ожидая. Не очаровываясь и не разочаровываясь.

Бог Хедин забирал у мира множество мужей и жён, всех, кто пожелал сражаться. Он не думал о том, сколько из них не вернётся, – зато много размышлял о том посмертии, что будет их ждать.

Ибо бог тогда лишь бог, когда заботится не об одной земной юдоли верящих в него.

Времени оставалось не так много – до того момента, как качнутся обратно потревоженные Весы и маятник начнёт обратный ход.

– Прости, Великий, что нарушаю твоё уединение...

Вот ещё один. Кирвад, мелкий лесной божок, приведший, однако, целый сонм сильванов, кентавров и прочих обитателей чащоб.

Смуглый, с козлиными, как у фавна, ногами и копытами, с круглыми, завёрнутыми бараньими рогами, в доспехах из зачарованной коры священных деревьев, Кирвад встал на одно колено.

– Воинство готово. Тейсида Светлая благословляет уходящих и остающихся. Все ждут лишь твоего слова, Великий.

Новый Бог кивнул.

– Большие ворота откроются, едва я ступлю на равнину, Кирвад. Отправляйся, оповести остальных. Я прибуду вскорости.

Лесной бог поклонился и исчез.

* * *

Зелёная долина исчезла. От края до края, от гор до гор, теряясь в дымке у горизонта, колыхалась масса людских и не только голов; голов, плеч, шлемов, знамён, штандартов. Здесь были те, кто откликнулся на зов Познавшего Тьму, кто готов был сложить голову, спасая даже не свой мир – но всё Упорядоченное.

Предложите смертным дело, которое они сочтут святым – и они опрокинут даже богов.

Вот и Древние, те, что вняли призыву Тейсиды. Явились далеко не все – большинство так и осталось прятаться в своих чащобах, речных омутах, болотных топях или на дне морском. Они не верили ничему и всего боялись.

Старина Ямерт умел внушить уважение, чего уж там.

Сейчас им нужны были слова. Слова бога. Слова, что останутся на скрижалях, что будут занесены во всякоразличные Писания, слова, что станут молитвой – если останется кому её возносить.

Что ж, Хедин, Познавший Тьму, когда-то ты был ловок в речах.

И он заговорил.

О великом океане Межреальности, о песчинках живых миров. О надвинувшемся на них смертоносном хаосе и о том, что только они, собравшиеся сейчас на этом поле, смогут остановить беду. О том, что участь павших будет сказочна. О том, что песни и саги об их деяниях переживут века, а дети, внуки и правнуки будут гордиться ими.

Он умел говорить, Хедин, Познавший Тьму, и произносил такие речи не в первый раз. Ночная Империя не выбиралась в Межреальность, просто не успела, её уделом оставался Хьёрвард, но разница заключалась лишь в количестве обращённых на Хедина глаз.

Правда, ещё одно отличие таки было.

Рати Ночной Империи водили его истинные ученики. Не подмастерья, а настоящие ученики, чьё Зерно Судьбы вручил ему в руки Шар Судеб в замке Всех Древних. Тогда Хедин оставался именно что Хедином, Познавшим Тьму, Истинным Магом, вершителем судеб, проникающим в тайны мироздания. А люди – что люди! «Я даю им то, чего они хотят. Славные битвы, разгульные пиры, достойная смерть, что будет воспета скальдами. Жизнь их ведь всё равно конечна. Я помогаю им умереть счастливыми».

Хорошее объяснение для тогдашнего Хедина. А для нынешнего?..

Слова закончились, и над всей долиной, от края до края, простёрла свои крылья тишина. Молчали люди, молчали силваны, молчали не столь многочисленные кентавры, молчали перьерукие.

– Кто верит в меня – за мной, – негромко, но, опять же, так, чтобы услышали все и каждый, проговорил хозяин Упорядоченного.

Над долиной взметнулись радужные врата – его воинству открывалась дорога в Межреальность.

* * *

Тейсида Светлая осталась позади. Ей хранить новоукоренённый мир, заниматься вечным, привычным делом богини – покровительницы изобилия и деторождения.

Армии уходили прочь. И шли напрямик – к Обетованному. Там Хедин примет окончательное решение. Направиться ли к Асгарду возрождённому, где под корнями нового Иггдрасиля бил, нарушая всё равновесие сущего, Четвёртый Источник Силы в Упорядоченном, или отвечать на какой-нибудь новый удар.

Коричневокрылый сокол взмыл над вступившим в Межреальность воинством. Он проносился над отрядами копейщиков и щитоносцев, над мечниками и стрелками; над всадниками и обозниками, над всей великой армией – великой по меркам породившего её мира, крошечным отрядом по меркам, скажем, Восстания Ракота.

Люди и не-люди дивились многокрасочности, буйству всего, что заполняло Междуирие. Их смертным глазам представала широкая торная дорога, однако окружало её нечто невообразимое – исполинские, длинные стебли всех цветов радуги, колышущиеся на неощутимом ветру; скользящие сверху и снизу тени неведомых существ, слегка похожих на летучих китов; медленно движущиеся исполинские вихри, воронки, вбиравшие в себя пространство. Межреальность вокруг жила собственной жизнью, и её обитатели достаточно хорошо понимали, что с пути Хедина сейчас лучше убраться. Даже хищные растения, далеко раскидывавшие ловчие плети, сейчас торопились втянуть их и притвориться самыми обычными кустиками, пусть и совершенно нелепых расцветок.

Коричневого сокола сейчас видело всё войско – от головы до хвоста. Сотням тысяч непросто вытягиваться одной-единственной ниткой, и Хедин разделял дороги, стягивая их в единый кокон невидимыми узами.

Не так-то легко вести армию чрез Междумирье, где для смертных нет ни пищи, ни воды, и даже воздух – только стараниями его, Хедина. Все припасы приходится тащить с собой, особенно когда марш предстоит долгий. Титул Познавшего Тьму не давал власти над Кипящим Котлом, это удел Ракота, его легионам продвигаться сквозь Межреальность куда легче, особенно когда это нематериальные порождения Тьмы.

Воинство Нового Бога не скрывалось. Если кто-то захочет их остановить – что ж, тем лучше.

Он проложил путь прямо до Обетованного, однако, как и следовало ожидать, ровной дороги не получилось.

Сила взвихрилась, закрутилась воронкой, стягиваясь в тонкую нить и вонзаясь в небесную сферу, заключавшую в себя недалёкий мир.

...Это был обычный мир, безымянный, один из множества. В таких, как правило, ничего не происходит – или уж если происходит, то кровавый кошмар наподобие Войны Ангелов. Плоский, то есть, скорее всего, не закрытый, магический. Со своим царством мёртвых, повисшим на нём, словно серая запятая. Слово мешок старьёвщика, куда сваливают ненужное, сломанное, отработавшее.

Отжившее.

Этому миру досталось изрядно во время недавней вселенской бури, однако он удержался, корни его оказались крепки. Правда, и цена спасения – непомерна.

Непомерна – во всяком случае, так казалось Познавшему Тьму.

Приближаясь, он ощущал не только стремительный ток магии, но и её короткие, судорожные толчки – словно это не мир лежал перед ним, а обнажённое человеческое сердце во вскрытой серпом жреца груди.

Там, внизу, творилось что-то небывалое, по крайней мере Хедин ещё ни разу не сталкивался с подобным.

Наступило время катаклизмов и катастроф. Рушащаяся клетка Неназываемого, сдвинувшиеся потоки магии, а вдобавок ещё и проложенный для войска путь – неудивительно, что под ногами творится Тьма знает что.

Оживают ли там Древние Боги? Требуют себе кровавых жертв? Очнулись ли от долгого сна голодные чудища былых времён? Или что-то ещё?

Что ж, это предусматривал План Хедина. Армия должна расти.

* * *

Коричневокрылый сокол скользнул сквозь бездны Междумирья. Он не нуждался в воздухе для полёта, но воинство должно видеть своего предводителя и осознавать его могущество.

Сейчас марш возглавил Кирвад. Он будет «поспешать медленно» и явится к Обетованному в назначенный срок, если он, Хедин, задержится.

Потому что обнаруженный катаклизм Хедин должен увидеть сам, собственными глазами.

Небо перед Познавшим Тьму послушно разомкнулось и вновь сошло у него за спиной. Обычное голубое небо, по которому бегают местное солнышко – с поверхности оно кажется величиной с мелкую монету, если держать её в пальцах вытянутой руки.

Внизу раскинулись моря и горы, леса и равнины, пустыни и джунгли – всё как во множестве других таких же миров, раскиданных по Упорядоченному.

Всё как везде. И всё совершенно не как везде.

Новый Бог ощутил это мгновенно, едва пронзив голубую небесную сферу.

Живодарящая сила пульсирует и бьётся лихорадочно, прерывисто. На севере и юге, на холодных оконечностях плоского мира, растут, поднимаются выше и выше тёмные, почти чёрные клубящиеся тучи, заполняют небо от земли и до самой хрустальной тверди. Щупальца облаков растягиваются на сотни и тысячи миль, простираются над океаном, жадно тянутся к беспечно раскинувшимся континентам; и в тучах ощущается движение, там что-то прячется, скрывается до срока, что-то чуждое, голодное, алчущее...

Пронзающая мир магия утратила всегдашнее своё плавное, размеренное течение. Сделалась хаотичной, острые её струи устремлялись во всех направлениях, безо всякого порядка, металась, сплетались и вновь расплетались, словно змеи в садке.

Коричневокрылый сокол снижался широкими кругами, нарочито медленно. Он смотрел, слушал и внимал.

Река. Огромная, широченная, вобравшая в себя множество притоков с обширной равнины, простирившейся, насколько мог окинуть взор. Обычная река, река-кормилица и труженица – берега усеяны рыбацкими деревушками, видны многочисленные пристани, и по самой речной глади тянутся суда, гребные и под парусом, медленно влекутся громоздкие плоты и беляны, какими сплавляют лес из верховий.

Всё мирно. Всё как обычно. Вот раскинулось внизу селение, от речной пристани разбегаются в разные стороны желтоватые песчаные улочки, замер на деревенском торжище небольшой храм Спасителя с нацеленной в небеса перечёркнутой стрелой; люди...

Люди выскакивают из домов, бросают все дела и бегут прямо к нему. Бегут с полей, с огородов, от пристани. Лодки кое-как притыкаются к берегу, и люди тоже бегут.

Вверх по течению реки, от устья, поднимаясь всё выше и выше, катилась крутая волна. Впрочем, уже не волна, настоящий вал, стена воды, вздымающаяся под самые небеса. Она катилась медленно, не спеша, словно сознавая своё всеисилие над этими смешными человеческими скорлупками, дерзнувшими испоганить речное русло.

Река повернула вспять. В толще взбесившейся воды мелькали изломанные в щепу судёнышки, брёвна, ещё какой-то сор, играючи слизнутый разъярённой стихией с освоенных человеком берегов.

Древний бог, или богиня, или нимфа, или кто вообще распоряжался этой рекой, – сошёл с ума?

Сила ярилась и бушевала, однако теперь в нарастающем хаосе Хедин ощущал и нечто вроде центра – спокойствие, словно в оке бури, царило вокруг бревенчатого храма Спасителя.

Вниз!

Коричневокрылый сокол сорвался с небес, камнем падая прямо на гребень волны. Кто бы ни чинил здесь этикие непотребства, он за них ответит!

Как будто ощущая приближение Познавшего Тьму, волна разом выросла чуть ли не вдвое. Слух полнил яростный рёв, словно тут бушевала разом сотня исполинских водопадов; крылья потока растекались всё шире, выплёскивались на берег, с лёгкостью снося всё на своём пути – риги, амбары, сенные и лодочные сараи.

Ещё немного – и она слизнёт всю деревню.

Сокол пронёсся над самым гребнем водного чудовища, пена омочила перья. Небо стремительно темнело, облачные рукава с полюсов, преодолев колоссальные расстояния, дотянулись и до этих мест, мгновенно поглотив солнечный свет.

Ступни Хедина твёрдо встали на светлом речном песке.

За спиной – бревенчатые избы рыбаков, сушатся сети на шестах, пахнет рыбой. Взвизгнув, к Новому Богу бросилась и прижалась к ногам кудлатая смешная дворняжка, глаза заполнены ужасом.

«Имей веру с гречишное зерно, – говорили книги Спасителя. – Имей веру с гречишное зерно, и тебе покорится сущее и не-сущее».

Что ж, придётся без гречишного зерна.

Сила вокруг Познавшего Тьму поневоле успокаивалась, упорядочивалась. В своё время Истинному Магу Хедину хорошо удавались огненные заклятия, и сейчас, когда равновесие здесь рухнуло, он едва удерживался от соблазна пустить в ход пламя.

Хедину – распорядителю Упорядоченного хватило бы мощи и вовсе испарить взбесившуюся реку.

Однако он искал, искал виновника, того бога, духа, чародея, что учинил всё это. Может быть, того же, кто обратил в хаос потоки магии в этом мире.

Встретить силу силой – нехитрая штука.

Но нет, никто не прятался в толще волны, никто не тащил её к себе из предгорий, никто не толкал от устья. Никакому Древнему не пришло в голову учинить тут этакое стихийное безумство просто так, без цели и смысла.

Сила послушно потекла вокруг раскинутых рук Познавшего Тьму. Легко, легко – чуть медленнее – ещё медленнее – с откровенным трудом.

Что бы ни наступало сейчас, сдаваться оно не собиралось.

Воля Бога Упорядоченного – такой же его инструмент, как топор плотника или веретено пряжи. Текучая сила, животворная магия подчиняется ей так же, как простому смертному подчиняются его руки или ноги.

Никакой Древний не остановил бы эту волну; стиснутая, сжатая, пронзённая незримыми спицами силы, вода катилась вперёд неудержимо. Но сейчас перед нею встал Познавший Тьму – и каркас водного чудовища лопался, направляющие расточались, воля Хедина разъединяла чужое и чуждое – за исчезающе короткие мгновения времени смертных, – пока громада волны не обрушилась потоками, не хлынула во все стороны сотнями и тысячами ручейков и ручьев, уже не способных причинить кому-то вред.

Волна рушилась, страшная водяная стена с грохотом оседала, оставляя после себя груды обломков, некогда бывших плотами и лодками, пристанями и лавками, сараями и даже домами. Стихия подчинялась Новому Богу, но нехотя, ему приходилось пробиваться сквозь жёсткую, колючую, непокорную силу – как будто суёшь голую руку в усеянный шипами терновник.

За спиной кричали люди, а дворняжка у ног вдруг встала на задние лапы, упёршись передними в колени Хедину, с явным намерением лизнуть его, а потом с самым деловитым видом уселась подле и принялась чесаться.

А Познавший Тьму стоял, вслушиваясь в отзвуки рассеивающейся силы – незнакомой, преломлённой странным, диковинным образом. Конечно, далеко не все сущности Упорядоченного меняют ток силы одним-единственным, на века затверженным способом, но и на обычную волшбу Древних это не походило тоже.

Далеко-далеко, над самым горизонтом, по-прежнему тонушим в тёмных тучах, засверкала вдруг белоснежная искорка.

Крупница белого пламени на фоне мрачных облаков, беременных громами, стремительно неслась прямо на него.

Крики за спиной стихли, однако Хедин чувствовал высыпавших на окраины селения людей – они тоже все глядели на приближающуюся снежно-белую искру.

Дворняжка вдруг бросила чесаться, вскочила, оскалилась, зарычала, глядя на летящий лоскут бесцветного пламени, в который успела обратиться искра.

Голоса за спиной Хедина нестройно затянули какое-то песнопение, что-то вроде молитвы – наверное, Спасителю.

Ещё несколько мгновений – и Хедин смог разглядеть внутри пламенного кокона воздушно-прозрачное, свитое из нитей белого огня существо с парой огромных крыльев за спиной.

Ангелы.

Спутники и соратники Спасителя. В отличие от подмастерьев Познавшего Тьму, возникали они только и исключительно в спасаемых мирах, не составляя постоянную свиту. И странствовал Спаситель всегда один – так, как явился им с Ракотом подле могилы Мерлина.

И значило это только одно – он, Хедин, оказался в мире, где вовсю кипело то самое Спасение. Спасение, которое он привык считать просто пожиранием живых душ, поглощением их неведомой бездной Спасителя.

Наверное, здесь, недалеко от границ сферы Неназываемого, людские горе, отчаяние и ужас обретали особую силу.

Ангел резко, словно подбитая камнем птица, нырнул вниз, устремляясь прямо на Познавшего Тьму. Пение за спиной сделалось ещё менее стройным, кричали женщины, плакали дети; дворняжка рычала – похоже, ангел ей совершенно не нравился.

Хедин вглядывался в пришельца – в его воздушные, бестелесные черты, в равной степени и мужские, и женские. Ангел явно был андрогинном, существом без пола, разом и бесплотный, и наделённый плотью особого рода, словно тело его слагалось из другой материи, нежели всё остальное в Упорядоченном.

Охватывавший его кокон пламени угасал; с новой силой задул ветер, швыряя брызги в лицо Познавшего Тьму; тёмные тучи клубились прямо над головой, и казалось – они вот-вот рухнут наземь, придавив всех неподъёмной тяжестью.

Лицо и руки, босые ступни ангела казались чуть темнее его абсолютно белоснежных одеяний; исполинские крылья медленно складывались с пугающей, абсолютной аккуратностью – перо к перу, хотя никаких настоящих перьев там, конечно, не было.

Хедин смотрел в глаза явившемуся существу, ожидая увидеть там или пустоту, или бездну (что, если рассудить, почти одно и то же) – но вместо этого столкнулся с совершенно человеческим, разумным, осмысленным взглядом.

Глаза были единственным, что жило в этом полупризрачном теле.

Их разделяла дюжина шагов.

Дворняжка рычала, поглядывая на Нового Бога, словно ожидая команды.

– Зачем ты помешал? – спокойно, с лёгкой досадой, осведомился вдруг ангел. Голос его казался странен, как и лицо, – не мужской и не женский, слишком высок для первого и слишком низок для второго.

Зазвучал язык Поколения Истинных Магов. Язык, на котором их обучали птицеголовые наставники, когда явившиеся в мир только готовились принять на себя Замок Всех Древних.

– Кто ты и по какому праву спрашиваешь? – последовал надменный ответ. – Кто дерзает задавать вопросы Хедину, Познавшему Тьму, Богу Упорядоченного?

Иногда полезно вспомнить все эти формулы. И ещё полезно не выказывать удивления тому, что посланцу Спасителя известен старый язык Поколения.

Ангел слегка наклонил голову, точно с любопытством.

– Хедин, Познавший Тьму, – сказал он без всякого выражения. – Зачем ты помешал мне? Души всех этих несчастных должны быть спасены. Должны найти приют в Нём. Что может быть выше этой участи? Отчего ты встал на моём пути?

– Ты очень любишь задавать вопросы, крылатый. Ты так и не назвал мне своего прозвания, однако, словно хозяин у слуги, требуешь ответов.

– Я длань Его, – ангел глядел прямо на Познавшего Тьму. Живым, горячим, пронзительным взглядом, так не вязавшимся с его обликом или словами. – У меня нет имени. Когда-то оно было, в моей смертной жизни, ну а теперь оно больше не нужно. Мы вознаграждены Спасителем за верность Ему и всегда пребываем с Ним; появляемся, когда потребны, и исчезаем, исполнив свой долг. Только в отличие от тебя и прочих, смертных с бессмертными, вернее мнящих себя таковыми, мы знаем, что никакой смерти нет для тех, кто принял Его.

– И потому вы послали эту волну? – осведомился Новый Бог. Упускать такой случай нельзя – они с Ракотом никогда ещё не оказывались в самом начале

«спасения» целого мира. – Послали волну, чтобы смыть вот эту несчастную деревушку?

Собачонка одобрительно твякнула, словно понимая, о чём речь.

– Никто не посылал никаких волн, Хедин, Познавший Тьму, – ангел совершенно по-человечески покачал головой. – Мир распадается, его корни гибнут, текущая через него сила более не признаёт никаких законов и творит великие бедствия. Поэтому Он явился сюда, дабы спасти верных, дать шанс закаменевшим в неверии, вот и всё.

– И что случилось бы с теми, кто только что молился и плакал за моей спиной? Которых смыло бы этой волной, что поднялась якобы сама по себе?

– Их земное бытие бы закончилось, – без запинки ответил ангел. – Их души воспарили бы к сказочным полям, к райским кущам, где нет ни смерти, ни боли, ни горя.

– То есть в местное царство мёртвых?

Хедин знал, что это не так, но ему надо было искать уязвимые места.

– Конечно же нет, – удивился ангел, как показалось, искренне. – Царства мёртвых, как и удел так называемого Соборного Духа, есть места несказанных мучений, страданий и вечного отчаяния. Именно от этой участи души смертных Он и спасает.

– Красивые слова, – пожал плечами Хедин. – Но передай своему хозяину – я, Познавший Тьму, здесь. И больше здесь никто не умрёт в муках и ужасе, захлёбываясь под волной.

Ангел помолчал, по-прежнему рассматривая Нового Бога пристально и с интересом.

– Тебе неведома мощь Спасителя, Хедин, Познавший Тьму. Ты никогда не искал Его слова. Никогда не принимал к источнику Его мудрости. Ты упорствовал в отрицании. Не в моей власти тебе помочь. Поможет только Он, в своём

несказанном милосердии.

- Доселе вполне обходился без его милосердия и дальше надеюсь обойтись, - сухо сказал Хедин.

- Он убивает смерть, - ангел глядел в упор горящими глазами. - Он убивает смерть и открывает врата совершенно иному бытию. Бытию без...

- Да-да, без горя, боли и так далее, - перебил Познавший Тьму. - Мы теряем время, посланец Спасителя. Передай ему - пусть убирается отсюда и забирает с собой всех вас, с крыльями или без оных.

- Ты жесток и безжалостен, Истинный Маг, - покачал головой ангел. - В тебе нет сострадания к малым сим. Ты думаешь лишь о себе. Мы же - спасаем.

- Уходи, - повторил Хедин. - И не думай, что на сей раз вам всё сойдёт с рук.

Ангел улыбнулся.

- Меня не могут задеть твои слова, неразумный.

- Не важно. Убирайтесь отсюда. Немедленно.

И вновь улыбка, даже кажущаяся искренней.

- Нас невозможно испугать. Нам нечего страшиться. Мы не подчиняемся никому, кроме...

- Тогда, - перебил Хедин, для пущего эффекта вскидывая руку, - изыди!

Толчок воли - и сила изменила течение своё.

В призрачные извивы света, слагавшие плоть ангела, словно ударила тёмная волна. Взметнулись крылья, точно пытаюсь удержать невесомое тело, белые перья ломались и улетали, подхваченные порывом внезапного ветра. Улыбка ангела исчезла, глаза широко раскрылись - и Познавший Тьму ощутил, как

навстречу ему пробивается нечто леденяще-холодное, словно снег с горных вершин.

Новый Бог – совсем не то же самое, что Истинный Маг. Силы их и впрямь несравнимы, тёмная мощь щедро вливалась в заклятие, однако сотканный из белого пламени ангел гнулся, трепетал, словно выпел под ветром, терял перья из невольно прираскрывшихся крыл, но держался и даже сделал шаг вперёд. Затем ещё и ещё.

Ледяная глыба надвигалась. Глыба, стена, поднимавшаяся всё выше и выше, оборачивающаяся зеркалом, словно сотканным из множества невесомых, бестелесных существ, какими обычно рисуют призраков.

Души. И, наверное, собранные уже в этом мире.

Дворняжка скалилась и рычала, шерсть встала дыбом. Она тоже не собиралась ни отступить, ни сдаваться.

Конечно, биться тут с этим единственным слугой Спасителя не имело большого смысла. Сколько таких ангелов, сборщиков душ, идут сейчас следом за разрушительными волнами или потоками лавы, пожарами, землетрясениями или ураганами? Или за Древними, давно обезумевшими от страха перед Ямертом, а сейчас обернувшимися кровожадными чудовищами?

Разве этим должен заниматься истинный Хедин? Затыкать прорехи по одной, пытаться успеть всюду? Ведь ясно, что не получится, да и не нужно – смертные, не способные сами о себе позаботиться, становятся домашними любимцами богов. Такое случалось и ни к чему хорошему не приводило.

Поэтому иди дальше, Познавший Тьму, ищи корень зла, выкорчёвывай его! Не теряй времени даром!.. Потери и жертвы будут всегда, это неизбежно!..

Потому что ангел частично прав. Жизнь смертного в Упорядоченном зачастую несправедливо коротка, полна лишений и мук, погибает он нередко преждевременно, а душе его уготовано, право же, не самое приятное из посмертий.

...Утратившая стройность течения сила спасаемого мира взвихрилась вокруг, и Хедин вдруг ощутил, что пятится.

В тёмных тучах одна за другой вспыхивали новые и новые искры. Сюда спешил целый сонм ангелов. Весть разлетелась стремительно, обгоняя, казалось, саму мысль.

А ведь когда Ракот сшибся со Спасителем в Эвиале, там не было никаких ангелов. Там была лестница, и Он нисходил по ней, да так, что всей мощи Ракота не хватило Его остановить.

Спаситель меняется, и ухватки его меняются тоже.

Собачка вдруг взгавкнула, подскочила – справа и слева затопали ноги, поднялись заточенные колы, несколько настоящих копий, секиры: из деревни бежал народ.

Да, они бежали – рыбаки, судя по запаху от поношенных портов и курток, артель плотников с топорами, огородники с граблями и тяпками, охотники со зверовыми рогатинами и луками...

– Эгей! Волшебник!

Хедину потребовалось меньше мгновения, чтобы оживить в себе их язык.

– Держись, чародей, мы с тобой!

Смелые люди, сильные люди – они не бросились наутёк от неведомых призраков и крылатых ангелов. Конечно, для них Познавший Тьму – средних лет мужчина в простом коричневом плаще до пят – представлял обычным магом, каких, наверное, знал этот мир.

Отдать команду? Призвать его воинство?

– Я Хедин, Познавший Тьму! – крикнул он присоединившимся к нему людям. Грубоватые, обветренные лица, глубокие морщины, натруженные руки, сжимающие немудрёное оружие. – Держитесь ближе! Я его изгоню!..

– Дружно! – гаркнул седобородый рыбак постарше, оказавшийся рядом. – Дружно, братцы, напирай!..

Напирай? Но что могут топоры и копья против орды привидений?..

Однако с каждым шагом сгрудившихся вокруг Хедина людей бушующий вокруг хаос словно бы утихал. Призрачная стена покрывалась изморозью трещин, теперь уже напирал сам Познавший Тьму, давил, словно плечом на тяжеленную створку незримых врат.

Вокруг них выл ветер, рвал спускающиеся с небес щупальца тёмных облаков. Летучее воинство ангелов приближалось, но люди возле Нового Бога не дрогнули и не побежали.

– Спасибо тебе, чародей, – коротко бросил бородатый рыбак. – Спасибо, а то мы уж думали – всё, конец, конец лютой... всех, всех бы ведь смыло... баб, ребятню...

Он говорил ещё что-то, но Хедин уже не слушал. Рой ангелов слился в единую сияющую белым огнём стену, крылья, тела, руки, лица сплетались, соединялись, перетекали одни в другие. Сущности, окружённые, словно тучей, сонмом человеческих душ, уже расставшихся с земной юдолью.

Проскальзывая меж мельчайшими частицами воздуха, к Познавшему Тьму и его нежданым соратникам устремились мириады тончайших, незримых ледяных нитей.

Мир вокруг стонал, исхлестываемый бичами рвущей его на куски, взбесившейся силы. Ледяные струи тянулись к Хедину, и это была магия. Непривычная, незнакомая, странная магия, где вместо силы – не может быть – нет, точно! – нет, невозможно!..

– Маг! – выкрикнул бородач рядом. Зубы оскалены, глаза налились кровью. Он понял, как и все остальные, что? случится, если неведомое дотянется до них.

Души сделались оружием. Новый Бог чувствовал это так же, как простой смертный ощущает колыхание ветра, касание травы или даже взмах птичьего

крыла, мазнувший по щеке охотника. Он знал, что это, но не знал – на что оно способно.

Так или иначе...

В сгустившихся тучах, что почти задевали головы, мелькнула молния, другая, они сплетались в парящий там лик, похожий на лик того самого создания – «человека» или «бога», – что благословил их с Работом у могилы Мерлина.

Почему же сейчас Он атакует?..

Рой ангелов меж тем обрушился на Познавшего Тьму со всех сторон, ледяные нити тянулись и тянулись сквозь замедлившееся время, и Хедин вдруг вновь ощутил себя словно на бастионах Хединсея.

Огонь. Пламя вырвалось прямо из влажной земли, из-под ног его крошечного отряда, ничтожного по сравнению с оставшимся в Межреальности войском; вырвалось, взвилось, закрубилось, весело загудело.

Души сделались магией. Значит, магией мы их и встретим.

Неведомость, непознаваемость и почти непобедимость Спасителя давно не давали покоя Хедину и Работу, однако сейчас Познавший Тьму имел дело всё-таки не с Ним самим.

Как хорошо чистое пламя, пламя первородное, Пламя Неуничтожимое! Тех, кто вручил Хедину сотворённый из него меч, тоже звали ангелами, но насколько же они не схожи с явившимися сюда!

Оружие мягко лежало в руках, почти уютно, ожидая – словно кошка, обманчиво прикрывшая глаза.

И ещё – Новый Бог ощущал, как вставшие рядом с ним простые смертные будто подпирают его чары собственными колами и пиками. Одна лишь свирепая их решимость сражаться делала куда больше, чем иные заклятия.

Истинно сказано: вера смертных – великая сила.

Свитый из молний лик Спасителя в небесах, стена белого ангельского пламени, кольцом опоясывающая Познавшего Тьму и вставших рядом с Хедином рыбаков.

И – его собственное кольцо, тоже пламенное, но уже не мертвяще-ледяное, но жгуче-алое, цвета живой крови.

Сила против силы. Грудь на грудь, глаза в глаза. Ракоту бы понравилось!..

Ведь Спаситель, неуязвимый в схватке с братом, тогда всё равно принуждён был отступить и искать иной путь в намеченный к «спасению» мир.

В груди поднималась ненависть, давняя, забытая, годящаяся уж скорее Ракоту. В бездну Неназываемого рушатся миры, едва удалось – и огромной ценой! – заткнуть эту прореху, а Он, повелевающий колоссальной мощью, «спасает» миры, которым ничто не грозит!

Зачем же было это благословение у могилы Мерлина, Спаситель?! Или Ты лгал тогда?

Алое и белое столкнулись, земля под ногами заходила ходуном. Потоки магии закружились в безумных водоворотах, дневной свет померк, исчез, всё вокруг окрасилось алым, словно утонуло в разлитой вокруг крови.

На какое-то время Хедин потерял чувство и времени, и пространства. Перестал ощущать Спасителей ангелов, вообще мир вокруг. И только из дальней дали, из-за всех мыслимых и немыслимых пределов, воздвигнутых Творцом, донеслось – собственным голосом Познавшего Тьму:

– Нет бездны без дна, нет конца без начала. Нет безнадежности и отчаяния. Великий круг глубже, чем я думал, брат.

Брат? «Великий круг»? Но неужели?..

Да, это его собственный голос. И его слова – слова того Хедина, что скрылся в чреве Неназываемого. Близнец Познавшего Тьму, пустота, словно форма, заполненная силой, – возникший там, на границе всепожирающей пропасти, где ломаются и гибнут все ведомые законы мироздания; двойника сейчас

невозможно увидеть или услышать, он уходит всё глубже и глубже в ту самую «бездну без дна» – и вещает оттуда?!

Полноте, да мыслимо ли это?

– Держись, чародей! – гаркнул в ухо Познавшему Тьму всё тот же бородач, судя по всему – рыбацкий старшина. – Дави их, гадов, а уж мы подопрём!

«Подопрёте, да, – подумал Хедин. – Вы и сами не знаете, что значит ваша сила...»

– Со мной, вместе! – крикнул он в ответ. – Как махну – шагай, все разом!

– Слышали чародея?! – подхватил старшина. – Пики – наставили! Наставили, я сказал! Чай, не ухваты держим!

Вокруг бушевало алое пламя, удерживая стену белого огня. Поединок, как встарь, – такими баловались Истинные Маги, ещё не сделавшись Поколением. И вот всё возвращается, потому что...

«Не трать даром время, Хедин».

Бесплотный и пронизанный леденящим холодом голос, даже не голос, а глас.

«Твой долг, твоё дело – противостоять Неизбежности. Только тогда она докажет, что по-настоящему Неизбежна».

Сухой смешок, словно зашуршали наползающие друг на друга льдинки весеннего ледохода.

Кто бы это ни говорил, чьи бы слова ни звучали – Хедин, Познавший Тьму, не сойдёт с этого места.

Вернее, он сойдёт, но только вместе с теми, кто сейчас стоит с ним рядом.

Познавший Тьму резко взмахнул рукой. Сбившиеся вокруг него рыбаки и прочие деревенские угрюмо и решительно шагнули вперед, прямо на огненную стену.

Алое кольцо вздрогнуло и расширилось, тесня холодный белый пламень. Пламень не-жизни и не-смерти, того, для чего у Хедина не хватало сейчас ни слов, ни названий.

– Напира-ай! – это рыбацкий старшой. – Разом шагай, робяты!

«Робяты» шагнули. Разом, как велено.

Алое и белое столкнулись, от темени до пяток человеческое тело Нового Бога пронзило острой ветвящейся болью, но круг заметно расширился.

– Ещё! – выкрикнул Познавший Тьму.

Ещё шаг и ещё.

Сшибаются в яростной схватке языки алого и белого, словно внезапно ожив и обретя сознание. Завеса поблёлкла перед взором Хедина, он увидел сплётшиеся единой крылатой сетью полчища ангелов, сейчас напоминающие рои мошкары подле огня.

Но это здесь. А в других местах этого мира? Или они притянули к себе все Спасителевы рати? Или там продолжается светопреставление? Там правят бал шторма и пожары, и такие же волны, как остановленная Хедином, сеют смерть и разрушение?

Хватит обороняться. За огненным кольцом не отсидишься.

– За мной! – в руке Познавшего Тьму ожил пламенный меч, и алая завеса послушно распахнулась, являя медленно отступающую перед их натиском стену белого огня. И за ней – мириады ангелов, трепещущие крылья, росчерки ледяного света, гигантский невод, накрывший сражающихся, словно неведому зверушку.

Ничего, они ещё узнают, как умеет кусаться эта зверушка...

Вокруг Познавшего Тьму плотным кольцом сбились рыбаки; они видели врага, но и помыслить не могли, чтобы с ним сразиться. И, увы, не смогли бы, не оказись рядом Хедина.

- Покажись! Яви себя! – крикнул он прямо в сплетение мертвенной белизны.

Нет, всё-таки в *modus operandi* Ракота что-то есть.

Конечно же, никто не покажется и не явит себя. Спаситель сам решает, когда и кому показываться, и на вызовы не отвечает.

Ему и без этого многое удаётся.

Познавший Тьму внезапно ощутил своеобразное «удушьё», навроде того, что ему пришлось испытать в ловушке Архимага Игнациуса. Удушье, от которого не погибнешь, конечно, но и не сможешь ничего сделать. Словно бы несущая Хедина волна сейчас угасала, растекаясь безобидной пеной, подобно прибою, набегавшему на песчаный пляж.

Мир не то закрывался сам, не то его закрывали извне.

Хедин не замедлил шага и не опустил пламенный клинок; за ним шли люди, нельзя останавливаться, нельзя явить и доли неуверенности.

На клинке Хедина трепетали кроваво-красные звёздочки, Пламя Неуничтожимое не подвластно законам этого мира, оно терпеливо ждало и ждёт; и кто знает, что мыслил Творец, оставляя его в сущем? Справится ли оно – сейчас?

Однако Спаситель торопится.

Сквозь обречённый мир текло всё меньше и меньше силы, и Хедин сознавал почему – Спаситель всё замыкал на себя, все потоки магии; правда, как Ему это удавалось, по-прежнему было загадкой.

Но – таки удавалось. Всё тоньше и слабее ручейки магии, и не только обычной, той, что можно «пустить на огнешары», но и дарующей жизнь. Той, что

присутствует даже в закрытых мирах.

Ощущение и осознание этого обрушились на Хедина разом, резко и внезапно. Оскудение того самого «живоносного потока», о котором ему и его братьям с сёстрами твердили ещё птицеглавые наставники на самой заре Поколения.

Никогда ещё Познавшему Тьму не приходилось сталкиваться ни с чем подобным.

...А ведь ничего подобного в Эвиале Он не учинял. Спаситель – отнюдь не безмозглый механизм, тупо следующий наезженной колеёй. К каждому миру Он подбирает свои ключи; и почему же Ему на сей раз потребовались столь крутые меры? И чем это место отличается от всех иных?

Однако, чтобы справиться с Познавшим Тьму, нужно что-то похитрее, чем просто «отвести силу».

– Навались! – хрипло скомандовал старшина рыбаков, и Хедин широко размахнулся клинком, что сейчас казался сотканным из тёмного, словно старое вино, пламени.

Лезвие столкнулось с белой завесой; миг спустя в неё ударили рогатины и пики других бойцов. И – пробрили!..

Стена рвалась с тугим ледяным хрустом, словно каблук сапога дробил первый ледок на придорожных лужах; её пронзали и обычные копья людей, и огненный клинок Познавшего Тьму.

Клинок пронзал, но рука Хедина быстро немела, плоть, в которую он облачился, не выдерживала. Всё-таки это плоть, а не «одна видимость», не сложная наведённая иллюзия; от меча древних созданий, делящих имя, но не суть, с ангелами Спасителя, на пальцы и запястье Познавшего Тьму сползало кольцо пламени, кожа стремительно чернела.

Старшина рыбацкого селения только зашипел сквозь стиснутые зубы:

– Маг!..

– Вперёд! – Хедин переброшил меч в левую руку, правую окутывал тёмный дым. – Вперёд, не бойтесь за меня!

Разрыв в белой завесе становился всё шире, в лица им бил яростный ледяной ветер. В уши рвался и лез навязчивый миллионоголосый шёпот:

– Всё кончено... конец настал... настал... теперь уже поздно... ни к чему... незачем... бесполезно...

– Вперёд! Только вперёд! Плечом к плечу! Пики нагнуть! – простые смертные, рыбаки с мастеровыми, огородники, пастухи, плотники валом валили за Познавшим Тьму, белая завеса исчезла, разорванная в клочья, и теперь вокруг них оставались только ангелы.

Великое их множество в единый миг, слитно, словно единый организм, разомкнуло ряды, белое пламя угасло, и сверкающие мечи ангельского воинства начали сечь вольно покотившийся вперёд алый огонь Познавшего Тьму.

Зря Ты решил посостязаться в этом, Спаситель. Даже если Ты лишишь этот мир магии, ты забыл, что Новый Бог Хедин – не колдун и не ярмарочный фокусник!..

Над головами Познавшего Тьму и вставших рядом с ним раскручивалась исполинская воронка из дивных крылатых созданий; их клинки длиной поспорили бы с копьями – ангельское оружие словно бы ничего не весило.

– Назад! – в голосе Хедина всё явственнее слышались уже совсем не человеческие нотки. – Назад, прочь, убирайтесь к вашему хозяину, шакалы!..

Конечно, ангелы не могли никуда обратиться – у них отсутствовала собственная свободная воля. Они не более чем руки Спасителя или, быть может, пальцы.

Воронка обрушилась на Хедина вихрем слепящего белого света, острыми, режущими лезвиями, а на его смертных соратников – ещё и удушьем.

Да-да, самым настоящим удушьем.

Незримые врата, через которые жизнь течёт в этот мир, стремительно закрывались.

Спаситель и впрямь очень сильно торопился.

Вот брызнула первая кровь, кого-то зацепил ангельский меч, и над полем сражения вновь ползёт, подобно отравному туману, вкрадчивый шёпот:

– Вы умножаете муки свои и души обрекаете на вечную гибель; в клочья изорваны будут они, и рассеются, подобно утренней мгле под солнечными лучами; но Он, в несказанной милости своей, не хочет для вас подобной участи!.. Чужие страдания заставляют слёзы литься из очей Его, и Он погружается в горе; лишь по доброте своей Он обращает к вам слова сии!..

Но всё это и впрямь пора было заканчивать. Окуталась дымом и левая рука Познавшего Тьму, и выронил пику уже кто-то из растерявшихся соратников.

Там, где только что стоял чародей с огненным клинком, немолодой худощавый человек в простом коричневом плаще, закружился тёмный вихрь, словно отражение уходящей в поднебесье воронки ангельских воинств. Острым когтём, или, быть может, клювом мелькнула в чёрных извилах алая капля чародейского меча.

Сияющие клинки ангелов врезались в эти тёмные волны и – стали ломаться, один за другим, во множестве, сверкающие осколки так и брызнули в разные стороны.

Яркие, сияющие – обломки летели, кувыркаясь, словно и самом деле солнечные лучи, безжалостно сломанные о мрачную, твёрдую, словно камень, тьму.

От крика ангелов, угодивших в чёрные жернова, казалось, сейчас расплачутся сами скалы. Крылатых созданий втягивало в недра мрачного вихря, сияющие крылья трепетали, ломались, белоснежные перья оседали, словно снег, если их не успевал поглотить алый огонь.

Но и создания Спасителя не уступали без боя. Багровое пламя, порождённое неведомым чародеем, опадало, рассечённое во множестве мест, его языки

втягивались обратно под землю.

Чёрная воронка, опрокинутая, острием нацеленная в небеса, росла, расширялась – так богатырь плечами расталкивает навалившихся на него врагов. Она продавливала пытавшийся остановить её ангельский сонм, и сами ангелы исчезали, едва оказавшись в её смертельных объятиях.

...Так это выглядело со стороны.

Познавший Тьму сбросил человеческую плоть, она не выдержала. Тёмный вихрь – это из старого, времён ещё Джибулистана, его эскапад с Сигрлинн. Это суть Великого Предела, того, что есть средоточие смысла Истинных Магов.

«Тяжёлое да тёмное вниз, а лёгкое да светлое вверх пошло...» – как утверждали хроники, читанные Хедином ещё в пору его ученичества.

Мечи ангелов ломались, но животворная сила, пронзающая этот безымянный мир, всё равно истаивала и пропадала, уходила, словно вода в раскалённый песок. Бойцы Познавшего Тьму падали один за другим, кто ничком, кто навзничь, кто на колени, хватаясь за сдавленное горло. Им чуть легче, чем остальным под этим небом, – Хедин ощущал, как делится с ними сейчас тем, что хотелось назвать «божественностью», тем, что жило в нём, делая его самого источником дарующей жизнь силы.

Но что сейчас творится на равнинах этого мира, страшно было даже представить. Спаситель не рисковал и не медлил. Словно опытный палач, он накинул удавку-гарроту и уже почти затянул петлю.

Что Его подручные вещали насчёт «умножения страданий»? Для погибающих есть какая-то разница в том, как именно они погибли?

...Нельзя сказать, что Хедин прорывался сквозь ангельские рати подобно саκραментальному ножу сквозь масло. Белые клинки дробились и крошились, однако Познавший Тьму ощущал каждый из них, словно глубоко вонзающийся шип. Великий Предел, грань между светом и тьмой, тяжким и лёгким, текучим и недвижимым, грань, на которой нет ничего, кроме сути Истинных Магов, справится с тем, что противостоит ей впрямую, но надо не только отбиваться или защищать себя; тем более что «ангелов» Он творит, похоже, в

неограниченных количествах.

Сталкиваясь с ними, стряхивая осколки нацеленных в него мечей, Хедин ощущал их холод. Холод и что-то ещё, за ним стоящее, что и составляло их естество, их собственную суть. Познавший Тьму тянулся к ней, преодолевая боль и не думая сейчас о последствиях, – все законы всех равновесий уже рухнули в бездну. У него оставалось совсем немного времени, прежде чем с неведомой стороны придёт неожиданный ответ.

Там холод и мгла, да, но там и что-то ещё. Неуловимое, ускользающее, скрытое льдистым туманом и жемчужной дымкой. Слово каждый ангел есть вход, дверь, дорога в неведомое и таинственное.

Туда, куда уходит душа.

Манифестации этого могут разниться. Они могут казаться страшными или прекрасными, убийственными или благословенными – зависит от лицезреющего.

Но она была, эта дорога, был этот путь, которым Он и впрямь вводил души. В Себя, будучи великой пустотой или ещё чем-то.

Проще всего думать, что твой враг – просто ненасытный упырь, живущий, чтобы пожирать души, и пожирающий, чтобы жить.

Хедин ощущал эти бесконечные, уводящие в неизвестность тоннели за каждым ангелом, чьи белооперённые крылья, так похожие на Гелеррины, размолото его ураганом. Слово каждый из исчезающих слуг Спасителя являл ему крошечный кусочек исполинской головоломки; эти «пути в никуда», само собой, не возникли случайно.

За ними скрывалась тайна Спасителя, тайна, упрямо ускользавшая от Новых Богов.

...Земля, и русло реки, и рыбацкая деревня остались глубоко внизу. Чёрная спираль вихря пробилла облака, унося на себе к небесам весь рой сражающихся ангелов. Они не отступали, они не ведали страха смерти, да и самой смерти, похоже, для них не существовало.

Они не давали Хедину прорваться, он ощущал готовый захлопнуться незримый капкан, ощущал, как тают силы остающегося позади мира; подобно ныряльщику, погрузившемуся на глубину, он ощущал, как горят оставшиеся без воздуха лёгкие.

Как Спасителю удалось такое? Или исполнились некие пророчества, давшие Ему власть над потоками магии? Имеет ли Он такую власть только здесь, в непосредственной окрестности мира, или же стоит Ему пожелать, и любой мир рухнет на колени, задыхаясь от губельного удушья?

...Но всё-таки, скорее всего, не может. Иначе не шёл бы Он к цели столь долгими и извилистыми путями.

Или – обожгло вдруг Познавшего Тьму – это уже взялся за дело Закон Равновесия, столь пренебрежительно им отброшенный?

Нет, нет, прочь сомнения! Остаётся только одно – рассечь незримую удавку, весь мир не может расставаться с жизнью вот так просто, когда всякое существо на его поверхности, в морях или в воздушных океанах сгинет без следа и в мучениях!..

«Это сотворил ты, Хедин, Познавший Тьму...»

Уже знакомый шепчущий голос. Бесплезно бросать ему вызов, он не явится на бой.

Мир оставался позади. Надвигалась Межреальность с её свободой, дикими, вольно катящимися потоками силы – потоками, на которые, как считалось, невозможно накинуть узду.

Оказалось, что это не так.

Но где он, этот узел?! Где петля – и, самое главное, где затянувшие её руки?!

Ведь силы Познавшего Тьму тоже не беспредельны. Накапливались боль и усталость, и даже сбросив плоть, суть Истинного Мага – то есть Нового Бога, конечно, – невозможно сделаться всемогущим и неуязвимым.

...Но и здесь, в Межреальности, ему никак не удавалось нащупать животворный поток силы. Познавший Тьму очутился словно внутри исполинского пузыря, в котором бился, подобно мотыльку в банке, угодивший в ловушку мир.

Ангелы исчезали, последние из уцелевших, изо всех сил работая крыльями, устремились прочь, к некоей точке в отдалении – и Хедин бросился в погоню. Не важно, ждала его там западня или нет, требовались бой и схватка, требовалось дотянуться до незримой гарроты; поэтому пусть думают, что он послушно следует, куда они пытаются его заманить.

Кирваду и войску придётся подождать ещё какое-то время.

Теперь он скользил высоко-высоко над гибнущим миром, по самой кромке Межреальности – обычное буйство её странной жизни сейчас тоже угасало, и здешние обитатели корчились, лишённые того, что заменяло им воздух.

Спаситель ничего не оставлял на волю случая.

Но где же Он сам?!

– Покажись!

Напрасно. Призыв – слабость, в молчании – истинная сила.

Вот точка, где скрылись последние из уцелевших ангелов, ничем не примечательная: гладь Междумирья, его сплётшиеся тропы, его хищные цветы, сейчас поникшие, посеревшие, распадающиеся тонкой пылью; что же здесь особенного, где тут потайная дверь?..

Последний из ангелов задерживается, белые крылья вдруг запахиваются, словно плащ, и сама фигура бесплотного посланца Спасителя замирает, выпрямляется, не торопясь скрещивает руки на груди...

И Познавший Тьму узнал печального, молчаливого странника в старых поношенных сандалиях и видавшей виды накидке, того самого, что благословил когда-то их с Работом.

Он стоял, глядя на Хедина – то есть на приближающийся чёрный вихрь, в сердце которого билась алая капля Пламени Неуничтожимого, – со спокойной грустью, чуть склонив худощавое лицо, обрамлённое длинными прямыми волосами.

Непонятно было – в Нём ли самом исчезли крылатые ангелы, или это только казалось Хедину, привыкшему всюду искать потайные ходы и секретные двери?

...Чёрный вихрь замедлился, Познавший Тьму даже не мог вернуться обратно к привычному виду – меч древних набрал страшную мощь, он пылал мрачным жаром, словно истинное Пламя Неуничтожимое, словно память о дыхании Творца, истинного, единого и вечного.

Такое не удержишь человеческими руками.

А всё остальное, не исключая и застывшего перед Познавшим Тьму печального странника, есть порождение мысли Творца и его плана.

Спаситель стоял, не шевелясь и не произнося ни единого слова, лишь смотрел с молчаливой жалостью.

Казалось, перед Новым Богом очутился простой смертный. Хедин ничего не ощущал в застывшей безмолвной фигуре – просто человек в запылённых сандалиях, прошагавший, наверное, не одну лигу под жарким солнцем.

Но позади у них лежал сейчас целый мир, задыхающийся, на грани гибели. И потому не важно, кто перед Познавшим Тьму или что; клинок Пламени Неуничтожимого должен разить. Не стоящего перед ним – но того, кто отнимает жизнь и дыхание у великого множества живых существ, и разумных, и нет.

Багровое лезвие ударило, словно обретя свои собственные волю и сознание; а Новый Бог Хедин внезапно ощутил на себе восьмизрачковый взгляд; он тут, Дух Познания, без него, конечно же, эта схватка не могла обойтись.

Смотри, смотри, если не нашёл себе другого занятия; смерть целого мира для тебя, Дракон, лишь забавная сценка. Сколько их было, сколько их будет – Хедин наизусть помнил всё, что мог сказать ему Орлангур.

Спаситель не пошевелился, когда меч тёмного пурпура рубанул Его наискось. Он лишь смотрел в упор на Хедина – или в то место чёрного вихря, где, наверное, считал, должны пребывать его глаза.

Хрусткий лёд пополз вверх по алому клинку, тая, шипя и испаряясь. Время остановило свой бег.

А в сознание Познавшего Тьму хлынул поток бессвязных на первый взгляд видений.

Вот череда согбленных спин – люди длинной цепочкой плетутся к низкому тёмному входу, видимо, в катакомбы, где их ждёт страшная участь, «хуже смерти», как любят писать в магических трактатах. Ибо там, во тьме, таятся сущности, рвущие плоть и выпивающие душу, и только так, великими жертвами, можно удержать их под землёй.

Вот дымящиеся на окровавленном жертвеннике куски мяса – вырванное из груди человеческое сердце.

А в глубине храма по мрамору растеклась зеленоватая чешуйчатая тварь – кто-то из Древних Богов, принимающий кровавые подношения и, опять же, поглощающий души.

Души, души, души – во множестве; они текут к ненасытным пастям чудовищ, пришедших из тьмы веков; к высоко вознёсшимся чародеям, возомнившим себя равными богам; к облепленному, словно мухами, чёрными шевелящимися точками демонов Великому Древу, домену Соборного Духа, сокрытого Демогоргона; стоп, откуда он, Хедин, знает, что чёрная сыпь на исполинском сером призраке дерева – это именно демоны?!

Упорядоченное теряет души, пытался уверить его Спаситель. Оно теряет их в том виде, как они были созданы, квинтэссенцией живого существа; души становятся добычей, едой, строительным материалом, топливом. Мудрые привыкли верить, что они – неуничтожимы, ну, или почти неуничтожимы. Но даже многочисленные «царства мёртвых» при самых разных мирах, что инкапсулировали души, вырывали их из великого потока перерождений, и где порой всё заканчивалось распадом, прахом, превращением в ничто, не наносили, получается, такого урона.

Да, именно «урона», утверждали видения Спасителя. Души распадались, обращались в нечто совершенно иное, во множество форм и обличей, и поглотившие их творили потом великое зло.

Но – приходил Спаситель, и всё изменялось. Души уходили к Нему, насовсем. Потом Он двигался к другому миру, проделывая то же самое. Души оставались в Нём.

И это было, как Он считал, правильно.

Последнее, не будучи сказано или произнесено, возникло словно само собой. Спаситель не использовал слов, Он ни к кому не обращался с речами, лишь воплощаясь в разных мирах.

...Меч Хедина рассёк пустоту. Спаситель был здесь – и в то же время где-то бесконечно далеко. Он уходил, а Познавший Тьму наяву видел пыльную дорогу, оливковые рощи и синее море совсем рядом. Оставался лишь след пустоты, великой пустоты Его, куда уходили души, бесконечной дороги, за которой...

Ещё один мир? Мир с пыльной дорогой, оливковыми рощами и жарким солнцем над головой печального путника?

Каждый ангел, каждый слуга Спасителя был дорогой туда, дверьми, вратами. Вратами в непредставимое даже Новым Богом.

Но сейчас Он уходил. Пыльная дорога словно накладывалась поверх миражей Межреальности; Спаситель удалялся, но...

Оставалась заброшенная им удавка.

Мир, где Хедин, Познавший Тьму, дерзнул встать на Его пути, должен заплатить, и притом самую высокую цену.

Может, оно всё и не так; может, с точки зрения Спасителя, именно таким способом можно «спасти» очередные мириады живых душ; не важно. Хедин был здесь, чтобы разрубить Им затянутый узел, всё остальное – вторично.

Дорога Спасителя уходила в неведомое, куда за ним не мог последовать даже Новый Бог; но, даже если б и смог, сперва требовалось отыскать петлю, брошенную на магические потоки.

Но почему именно «петлю»? От того, что это самое простое, легче всего вообразимое? Ну-ка, Познавший Тьму, ты ведь знаешь, как устроены закрытые миры; и если Он проделал тут нечто подобное...

Межреальность послушно раскрывалась, Хедин искал потоки животворной силы и не находил их – а Междумирье вокруг умирало, со всеми своими обитателями, оказавшимися в смертельной западне.

Дальше, дальше, ещё дальше!

Однако – уже близко до оставленного им воинства; что, если и они очутились в том же мешке?

Мысль обожгла; чёрный вихрь прожигал ткань Межреальности, рвал умирающее, рассеивал успевшее умереть; добивал обречённое. Так скальпель лекаря отделяет поражённое гангреной, чтобы спасти раненого; Хедин искал границу пузыря, потому что не мог же Он остановить вообще всю магию в пределах всего Упорядоченного!..

И вот, наконец, она – граница; подобно зверю, издали чующему долгожданный водопой, Познавший Тьму ощущал движение силы; она текла, невозбранно, свободно, вольно; и только сейчас он понял, сколько же пришлось отдать ему самому.

Ему, Новому Богу, которому, казалось бы, ничто не могло грозить ни в закрытом мире, ни даже в мире, отрезанном от любого присутствия магии!..

Вихрь ощутимо замедлялся, подобно усталому бегуну, что едва передвигает ноги. Ну вот – заветная черта уже позади...

Хедина окатил поток животворной силы, пронзил, накрыл с головой.

Ловушка осталась позади, и вокруг уже привычная живая Межреальность. Новый Бог Хедин может вернуться к себе прежнему, и ничто не будет напоминать, что совсем недавно его плоть горела и плавилась, не выдерживая жара Пламени Неуничтожимого.

Но что же заставило потоки силы изменить течение своё?

Познавший Тьму знал, что времени у него совсем немного.

Он растягивался стремительным лучом, устремляясь к тому месту, где течение магии разделялось, где в её струи словно бы рухнул исполинский валун.

Отыскать оказалось нетрудно, особенно тому, кто ощущает токи силы всем существом и собственной сутью; да и спрятать такое просто невозможно.

Спаситель знал, что Хедин кинется оттаскивать этот камень. Выигрывал время? – едва ли. Оружие ему нипочём. Скорее просто хотел показать, на что Он и в самом деле способен.

Но это имеет смысл, если дальше следуют переговоры. Если их нет, то все демонстрации бессмысленны. А переговоры Спаситель не вёл и не ведёт.

Конечно, никакого «камня» в действительности не оказалось. Вместо «валуна» – вздыбившаяся складка Междумирья. Свёрнуто, стянуто так, что действительно режет струи великой живой реки, разводя их в стороны; Познавший Тьму никогда не видел ничего подобного. Немного – очень немного – напоминает окрестности закрытых от магии миров; что ж, даже богу приходится учиться новому, порой – на ходу.

Быть может, он и измыслил бы элегантное, тонкое заклятие. Разложил бы препятствие на компоненты, подобрал бы ключ для каждого излома, но сейчас времени на это уже не осталось.

За спиной бога Хедина умирал целый мир, а впереди зловеще маячил отброшенный Закон Равновесия.

У Познавшего Тьму всегда был выбор. В самом начале пути, когда жизнь казалась простой и ясной и он знал, на чьей стороне достойно стоять; и потом, когда всё сделалось куда сложнее, когда текли причудливые, изощрённые беседы с Отцом Дружин, Старым Хрофтом, в его лесном убежище; когда воздвигались первые шпили Ночной Империи и первые ученики Истинного Мага Хедина шли на приступ вражьих твердынь.

Выбор был всегда, в этом крылась суть Поколения, но, сделавшись Новым Богом, он утратил эту свободу. Её заменил долг, «тяжёлый, словно гора». И он, Хедин, даже не мог закончить эту пословицу подобно простым смертным: «...но смерть легче легчайшего пуха».

Пик из вздыбленной, вывернутой Межреальности, тем не менее упрямо противился всем усилиям Познавшего Тьму, словно и в самом деле воздвигнутый из крепчайшего камня.

Мир умирал в мучительном удушье, а Хедин, Познавший Тьму, никак не мог подобрать годные чары; терял и терял время, позволяя себе бессмысленную злость.

Но стоп, зачем же так, напрямую? Свёртка эта специально предназначена рассеивать и отводить силу; но всё возведённое обязано на что-то опираться. Опирается на что-то и этот чудовищный клык, впившийся в плоть текущих потоков, рвущий их на части и направляющий новыми путями.

Он есть часть Межреальности и, значит, обязан подчиняться её же законам. А это значит, что...

Подчиняясь его воле, пронзающие Междумирье пути и тропы, словно извивающиеся змеи, стягивались к неуступчивой преграде, тянулись к её основанию, упрямо пробиваясь всё ниже.

Уходя вглубь, подкапываясь, подрывая незримые фундаменты возведённого Им, расталкивая, раздвигая неподатливое «нечто», составлявшее саму суть Упорядоченного.

Повелевать тканью Межреальности тяжело даже тому, кто увенчан пышным титулом Нового Бога. Его «сила» имеет свои пределы; не всемогуща даже мысль,

становящаяся действием, но сейчас он, подобно кроту, рыл и рыл, подтачивая основание возведённого Спасителем «утёса».

Однако серый клык, вознёсшийся высоко над головой Познавшего Тьму, внезапно зашатался. Слагавшие его туго свёрнутые и стянутые складки пространства вибрировали, распрямляясь, словно согнутые в дугу сабли из драгоценного булата.

Междумирье вздрогнуло, по нему прокатилась судорога боли, всё шире и шире захватывая пространство вокруг, да так, что на месте прямых дорог оказывались бездонные пропасти, какие сгодились бы отражать врага на подступах к Кипящему Котлу.

Познавший Тьму отступил – сооружённое Спасителем разваливалось, раскручивалось, развоплощалось, обращая при этом вокруг себя в ничто обширные области Межреальности. В ткани Упорядоченного расплзлась зияющая рваная рана.

Это были не пустота, не Тьма, не бездна Неназываемого, не Хаос, нет, что-то совершенно иное, новое, невиданное.

Даже в Неназываемом, как убедился сам Хедин, что-то существовало, те же поглощённые им души; здесь не было воистину ничего, словно незримые зубы вырвали клочок плоти из тела вселенной. Каверну заполняла только невидимая сила, она, подобно воде, прорвавшей запруду, торопилась сейчас вернуться в задышающийся мир. Пустота приняла её, молча и равнодушно, но Познавший Тьму не мог сейчас сдвинуться с места, вглядываясь и вглядываясь в расступившееся пространство.

Рана глубока, но для исполинского Упорядоченного – конечно же ничто, если только не начнёт расширяться, как начал в своё время Неназываемый.

Хедин ждал, пытаясь прощупать, что же застыло сейчас в этом провале, пытаясь почувствовать, увидеть – и не находя ни слов, ни образов.

Неведомое нечто, то, что между сущим и не-сущим, между Упорядоченным и Хаосом. Спаситель сотворил поистине небывалое, и счастье ещё, что эта внезапно открывшаяся пуста инертна.

Сколько таких ран сможет выдержать Упорядоченное? Упорядоченное, где и так сошли с ума магические потоки, где целые миры швыряло в пасть Неназываемого, и самому Хедину пришлось в меру сил исправлять случившееся?

Пустота тяжела, она словно меч, вонзившийся в ствол; дерево затаит рану, однако и свою цену заплатит тоже.

Познавший Тьму долго всматривался в возникший разрыв; на первый взгляд нет ничего опасного, нет силы и воли, что заставили бы это расширяться, поглощать и рушить Межреальность; само Междумирье постепенно оплетёт его своими путями, корнями, тропами и чащами. Остаться тут надолго Новому Богу нельзя – войско ждало, и ждала цель всего похода, ждал воплощения рискованный план, куда более дерзкий и амбициозный, чем даже самый первый, что начался, когда в руки Истинного Мага Хедина легло Зерно Судьбы его последнего ученика, Хагена.

Но самое главное – мир, удостоенный визита Спасителя, остался жив, несмотря ни на какие пророчества и предсказания. Никто не знает, сколько миров пало на Его пути, скольким удалось избежать этой участи; сегодня к избегшим присоединился ещё один.

А ещё Познавший Тьму с режущей, почти болезненной ясностью понимал теперь – остановить Его могли только смертные, готовые сражаться до последнего. «Сила» как таковая, даже если это – мощь Пламени Неунничтожимого, для Него – ничто.

И значит, воинству Познавшего Тьму может предстоять ещё одна битва.

Глава 2

О?дин, Отец Дружин; Райна, Разбивающая Щиты

Асгард, священный град, трон Отца Богов, владыки волков и вранов, первого из Асов, Старого Хрофта, носителя копья Гунгнир, зачавшего валькирий, хозяина Валгаллы. Асгард, восставший, нет, восстановленный из пепла, получивший новую жизнь, второе рождение.

Яростная битва, кипевшая у его стен, стихла, окончившись неудачей для всех, и штурмовавших, и защитников. Армия волшебницы Сигрлинн отступила, оставшись без предводительницы и явно не понимая, что делать; тем более что к Асгарду подоспела целая рать Древних Богов. Двор крепости асов испятнало вонзившимися прямо в камень исполинскими зелёными кристаллами, словно наконечниками копий. Один из них разметался множеством мелких изумрудных осколков, а через открывшийся портал шагнули в неведомое валькирия Райна и её недавняя противница, сама чародейка Сигрлинн.

У возрождённого Иггдрасиля, подле открывшегося Источника Магии, в тяжком раздумье застыл сам Отец Богов.

В руках – дубина, совсем недавно бывшая толстым суком священного ясеня; вот только состояла она из сплетающихся серебристых молний, словно призрак, дух живой ветки.

Схватка далась Старому Хрофту недёшево – ожоги тут и там, кое-где почерневшая кожа лопнула, и из ран сочилась кровь; чародейки умеют разить.

Но прямо под корнями Иггдрасиля яростно бурлил и пенился Источник Магии, Четвёртый Источник в Упорядоченном, бурлил и извергал чистую, нагую силу, напрочь опрокидывая весь баланс магии во вселенной.

«Ты предал Хедина», – до сих пор звучали в ушах Отца Дружин гневные слова Сигрлинн.

Нет, он никого не предавал, молча спорил с волшебницей старый Ас. Впрочем, недаром пели скальды, что, «молва людская словно снег, вот выпал – а его уж нет». Гневные слова спутницы Хедина – лишь гневные слова; а вот слово, данное им, О?дином, посланцу Дальних, его, Старого Хрофта, обещание встать во главе рати Древних Богов, когда таковая постучится в его двери, – совсем другое дело.

Отец Дружин помнил, чем кончилось дело в Боргильдовой Битве. Он не мог больше играть с судьбой и слепой мощью, что, верил он, до сих пор пребывала где-то в Упорядоченном.

Расскажи это Познавшему Тьму – улыбнётся понимающе, но не внемлет. Для молодого мага Хедина вселенная – арена, где бьются сущности, наделённые сознанием, волей, строящие планы и стремящиеся к осмысленным целям; но владыка Асгарда слишком хорошо помнил молодой мир, на плоти которого зародился он сам, от искры божественного дыхания, от эманации истинного Творца.

Молодой мир, тёмный, жестокий, где все одержимы одной-единственной мыслью – выжить. Победить, одолеть, сломать шею врагу, выпить тёплую кровь и идти дальше, захватывать новое и новое для своего потомства.

Оттуда, из седой древности, пришли иные из его, О?дина, чар, не ведавшие жалости и требовавшие кровавых жертв.

Ему предстояло вернуть к жизни асинь и асов, выведенных ими с Райной из серой мглы владений Демогоргона. Вернуть им их память, их ярость, их страсть, их лукавство, их любовь, их ревность, их... их всё.

Дочка должна была увести их в безопасное место, и Старый Хрофт надеялся, что она-таки послушалась, несмотря на знаменитое своё упрямство.

А потом? – бросилась спасать Сигрлинн от давних её обожателей, Дальних... что-то они совсем осмелели в последнее время. Валькирия, конечно, выберется, не в таких бывала переделках, и уж раз сумела уцелеть, единственная из всех, сумела скрыться от всевидящего ока Молодых Богов, пока длилось изгнание самого Отца Дружин, – то не пропадёт и сейчас.

И, кто знает, может, ей удастся хоть как-то вразумить прекрасную, но, по мнению Старого Хрофта, донельзя взбалмошную волшебницу. И что только Хедин в ней нашёл? Он, О?дин, любил многих дев, но, пока Фригг пребывала в царстве Демогоргона, не связал себя ни с одной, в отличие от Познавшего Тьму. Сейчас, будем надеяться, дочь и в самом деле сумеет утишить ярость чародейки. Едва не сорвала такой замысел!.. Теперь будет полегче – потому что и сам Хедин, когда Сигрлинн нет поблизости, всегда спокойнее и говорить с ним

всяко проще.

Так, во всяком случае, думалось Отцу Дружин.

Размышления его прервало осторожное, почти вежливое ворчание.

– Всеотец, – волк Фенрир припал на передние лапы, отдавая дань уважения старому асу. – Какова будет твоя воля, великий О?дин?

– Что случилось с тобой, сын Локи? – поразился Хрофт, едва взглянув на некогда великанского зверя. – Где твои рост и стать? Кто так обратил тебя?

Фенрир яростно зарычал, оскаливая клыки.

– Она! Это всё она, проклятая колдунья! Придавила каким-то заклинанием... а то бы я... а то б я ей...

– Конечно, племянник, – в голосе и взгляде Старого Хрофта не таилось и тени усмешки. – Придёт день, и ты воздашь ей за всё. Но сейчас...

– Асы невредимы, Ас Воронов, – подобрался волк, словно перед тронном Отца Богов во всей его прежней красе. – Твоя дочь, валькирия Рандгрид, укрыла их в не тронутых битвой покоях. Они и посейчас там.

Отец Дружин кивнул.

– Благодарю, племянник. Нам предстоит вернуть им утраченное, не только жизни, но и то, что делало их асами.

– Да, Великий, – смирение давалось волку нелегко, но он очень старался. – Что повелит мне могучий хозяин Асгарда?

– Знаешь, – задумчиво сказал О?дин, – клянусь собственными священными браслетами, когда ты рвал цепи, никому не повинуйся, кроме лишь своей ярости...

– Да, дядюшка. Но тот Фенрир был глуповат, хоть и очень силён. Я поумнел, владыка, слишком долго прожил в полном одиночестве. И я хочу вернуть себя прежнего, но без былых безумств.

Отец Дружин кивнул.

– Тогда выйди к собравшимся у наших врат, найди их предводителя и вели ему следовать сюда.

Волк молча кивнул, развернулся и в несколько прыжков скрылся за стенами.

* * *

– Приветствую тебя в Асгарде, в Зале Золотых Щитов, гость. Мнится мне, что я уже видел тебя здесь, не правда ли? Лик твой во всём подобен солнечному Ямерту, да упокоит сущее его мятежный дух, если ещё не упокоило.

Старый Хрофт восседал на высоком троне. Валгалла, её главный зал, пиршественный чертог. Золотыми щитами выложена крыша, сияет, подобно солнцу; рядом с Отцом Дружин застыл изваянием Фенрир, единственный, кто сейчас составлял свиту владыки Асгарда.

Перед ними, оставив позади ряды пустых столов, застыл, гордо вскинув красивую голову, посланец Дальних. Он явился в том же облике, что и в тот день, когда они ударили по рукам со Старым Хрофтом и могучий Игг дал нерушимую клятву «выступить в поход, коль рать Древних Богов явится к вратам Асгарда».

– Ещё не упокоило, могучий Ас, – невозмутимо отвечивал посланец. Одеяния его – свободно ниспадавшие волны белого шёлка с проблеском золота – словно подчёркивали чистоту солнечного света. – В этом можешь не сомневаться. Я не похищал его личину, я честно получил её по обмену. И могу повестить тебя: рекомый Ямерт, как и его родня, по-прежнему странствует по пределам Упорядоченного.

– Рад за него, – отрывисто сказал Отец Дружин. – Но ты ведь здесь, посланец, не для того, чтобы вести речь о павшем вожде Молодых Богов?

– Нет, – покачал головой тот. – Я здесь, чтобы сказать: затребованная тобой рать Древних здесь, великий Ас, и готова к походу. Я надеюсь, что владыка Асгарда не уронит своей чести и не отступится от данного...

– Не уроню и не отступлюсь, – лицо Старого Хрофта сделалось совершенно каменным. – Ты желал, чтобы я повёл эту армию против Хедина и Ракота, Новых Богов, ибо они мешают вашим планам обратить всё Упорядоченное в нового Творца?

– Ты в точности запомнил сказанное мною, Великий, – склонил голову посланец. – Ты оказал мне высокую честь, преклонив слух к моим речам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/nik-perumov/proshedshaya-vechnost>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)